

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

Г. Ф. ШАМОВ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. М. КОВАЛЕВСКОГО В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Казанский университет в первой половине XIX в. был одним из основных центров изучения Востока и преподавания восточных языков в России. Революционер-демократ А. И. Герцен, проезжавший в 1835 г. через Казань, писал, что в Казанском университете «преподают в обширном объеме восточные литературы, и преподаются часто азиатцами; в его музеумах больше одежд, рукописей, монет *китайских, маньчжурских, тибетских*, нежели *европейских*. Удивитесь ли вы после этого, встретив в рядах его студентов — *бурят?*»¹

Казань в начале XIX в. была крупнейшим в Поволжье торговым, административным и культурным центром. Казанский университет являлся единственным высшим учебным заведением на громадном пространстве от Москвы до Тихого океана.

Плодотворное изучение Востока началось в Казанском университете с первого дня его основания — 1804 г. Положение города на границе с Азией, тесные торговые связи казанского купечества с Ираном, Турцией, Средней Азией, Монголией и Китаем, наличие в городе многих представителей народов Востока, составлявших четвертую часть его населения, благоприятствовали этому. Казанский университет имел самую мощную на востоке России типографию, которая печатала литературу на татарском, турецком, арабском, персидском, монгольском и даже санскритском языках. Университетская типография имела также тибетский шрифт, отлитый в С.-Петербурге.

Однако царское правительство стремилось использовать университет только для подготовки переводчиков и миссио-

¹ А. И. Герцен. Письмо из провинции. Собр. соч., т. I, 1954, стр. 132.

неров. Особенно в этом отношении характерно попечительство реакционера Магницкого (1819—1826), который, как известно, вообще предложил «публично разрушить» Казанский университет, а библиотеки университета и гимназии — сжечь. В инструкции, составленной для университета, он требовал переустройства преподавания всех наук на библейско-мистический лад. Например, профессор физики обязан был «во все продолжение курса своего указывать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания окружающих нас чудес»¹.

Преподавателям восточных языков Магницкий запретил изучать ислам и заниматься переводами с мусульманских языков. Он даже пытался запретить печатание в университетской типографии «Истории о монголах и татарах» Абулгази Багадур-хана, подготовленную к печати на татарском языке академиком Френом и лектором Казанского университета Хальфиным, на том основании, «что в ней искажены восточные фанатизмом многие важнейшие истины, заимствованные из книги «Бытия», что в ней распространение исламизма приписывается даже патриарху Ною, что... она принадлежит не столько к книгам историческим, сколько к тем, кои косвенным образом нападают на Библию»². Николай I, жестоко расправившись с декабристами, в 1826 г. ввел новый цензурный устав, получивший прозвище «чугунного», а в 1835 г. ликвидировал автономии университетов. Полицейским террором и «чугунными» уставами царизм стремился ликвидировать в России все новое, передовое, прогрессивное.

Но кризис феодально-крепостнической системы нарастал, революционное движение в стране продолжало развиваться. На смену декабристам приходят революционеры-демократы. В науке зарождается и пробивает себе дорогу материализм, еще шире развивается русская национальная культура, пробуждается интерес к своей стране, растет патриотизм. Одновременно русская передовая общественность проявляет все больший интерес к Востоку. Этому способствовали также русско-турецкие и русско-иранские войны, приведшие к освобождению от ига турецких и иранских феодалов ряда народов

¹ Н. П. Загоскин. Из времен Магницкого. Казань, 1894, стр. 7.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 1418, л. 5. Магницкий не считался даже с тем, что «История о монголах и татарах» Абулгази печаталась по распоряжению и на средства государственного канцлера Н. П. Румянцева. Лишь после энергичного вмешательства Академии наук он дал согласие на ее печатание в университетской типографии. В 1826 г. книга вышла из печати в количестве 1028 экземпляров (там же, л. 10).

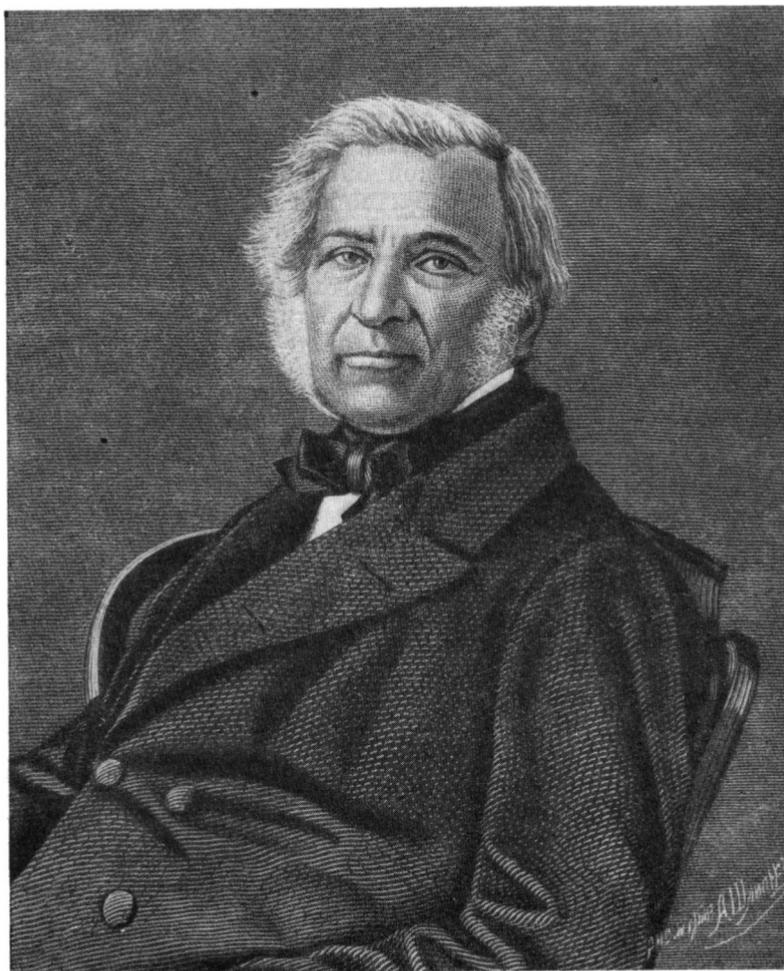
Балканского полуострова и Закавказья, и освоение русскими просторов Сибири, установление ими тесных экономических и культурных связей с народами Центральной Азии и Дальнего Востока.

В стенах Казанского университета тоже проходила большая идейная борьба между прогрессивной и реакционной профессурой, передовое студенчество создавало кружки, интересовалось социализмом, принимало участие в революционном движении крестьян Поволжья. Сделать университет рассадником мракобесия и миссионерства царизму не удалось. В этом большая заслуга принадлежит гениальному русскому математику, материалисту и патриоту Н. И. Лобачевскому, который с 1827 по 1846 г. бессменно занимал пост ректора университета. Н. И. Лобачевский стремился превратить Казанский университет в подлинный храм науки, а из студентов воспитать патриотов и атеистов. «Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения, — говорил Н. И. Лобачевский в актовой речи на собрании студентов и профессоров университета 5 июля 1828 года. — Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что известно одним праздным умам...»¹.

Н. И. Лобачевский стремился укрепить все кафедры университета, поставив во главе их людей, способных обеспечить развитие русской науки. Именно ему русские востоковеды обязаны созданием в Казанском университете при философском факультете восточного разряда, состоящего из арабо-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской, армянской и санскритской кафедр. Предполагалось также открытие кафедр тибетского, маньчжурского и еврейского языков. Возглавлялись эти кафедры крупнейшими учеными-востоковедами и передовыми людьми России. Достаточно отметить, например, что кафедру санскрита возглавлял один из первых русских инданистов, лучший в Европе знаток санскритского языка, друг В. Г. Белинского и активный член «Литературного общества 11-го нумера», созданного В. Г. Белинским в Московском университете, П. Я. Петров.

На средства Казанского университета и по инициативе Н. И. Лобачевского были организованы научные командировки молодых ориенталистов в Монголию (О. Ковалевский, А. Попов), Китай (О. Ковалевский, В. Васильев), Иран, Египет,

¹ Н. И. Лобачевский. Речь о важнейших предметах воспитания. «Казанский Вестник», XXXV, 1832, август, стр. 590.

О. М. Ковалевский

Турцию (И. Березин, В. Диттель). Естествоиспытатели изучали Алтай, Среднюю Азию, низовье Волги, Каспийские берега, собирая одновременно этнографический и филологический материал. В Средней Азии, Бурят-Монголии, Иране, Турции и даже Индии Казанский университет имел корреспондентов, которые снабжали его научной информацией и приобретали для университетской библиотеки восточные рукописи и книги. В июне 1827 г. Совет университета избрал корреспондентом университета, несмотря на то, что это не было предусмотрено уставом, Мухаммеда Халил Ибн Гафран Аллу из Пешавара в Индии¹. В университетской библиотеке оказались собранными редчайшие рукописи и книги Востока. «Библиотека может похвалиться приобретением и таких истинно редких произведений и собраний, которым, по справедливости, могло бы позавидовать любое книгохранилище в Европе»², — писал профессор русской словесности, впоследствии ректор Харьковского университета, К. Фойгт. Казанский университет имел также богатейшие нумизматические и этнографические коллекции, собранные в основном собственными научными силами³.

Профессора и преподаватели Казанского университета, занимавшиеся изучением зарубежного Востока и восточных окраин России, неоднократно пытались создать при университете специальный научный центр для подготовки высококвалифицированных специалистов в области восточных языков и всестороннего изучения стран Востока. Так, в октябре 1826 г. Совет университета рассмотрел и одобрил предложение об основании при Казанском университете Института восточных языков, состоящего из трех разрядов: низшего, среднего и высшего. Последний разряд предполагалось создать «для образования профессоров»⁴. В 1834 г. казанские филологи, историки и статистики обратились с ходатайством к министру народного просвещения об изменении направления деятельности «Общества любителей отечественной словесности». Они предложили переименовать его в «Общество филолого-историческое», главным занятием которого было бы «издание историче-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 4527, л. 1.

² К. Фойгт. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете. Казань, 1852, стр. 57. Азиатский отдел библиотеки университета был передан С.-Петербургскому университету в 1854 г.

³ См. Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин, П. В. Юсупов. Этнографический музей Казанского государственного университета. «Советская этнография», 1948, I.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 4159, л. 1.

ских и статистических сведений, в особенности относящихся до восточного края России, также составление словарей для языков народов, населяющих тот край»¹.

Наконец, в 1841 г. профессора и преподаватели восточного разряда разработали проект устава Азиатского института. «Распространение и размен познаний о Востоке... составляет ученое значение Азиатского института», — подчеркивалось в проекте устава. Предполагалось, что институт будет иметь свой журнал, в котором «должны быть помещены, вполне или в сокращениях, замечательные действия института, протоколы заседаний, ученая переписка Совета или членов его, статьи критические, розыскания лингвистические, исторические и географические о Востоке, извлечения из больших сочинений, переводы из неизвестных доселе восточных рукописей или редких творений и т. п.». В устав был включен пункт, разрешающий институту «право свободно и беспошлинно выписывать из-за границы всякого рода учебные пособия, книги, повременные издания и рукописи». Далее говорилось, что «кипы и ящики с сими вещами, адресованные в институт, в пограничных таможенных не вскрываются и не подлежат рассмотрению комитета цензуры иностранной. . .»². Но все эти проекты и предложения казанских востоковедов, направленные на развитие в России ориенталистики и укрепление научных и культурных связей России с Востоком, отклонялись царскими чиновниками или просто оставались без ответа, как это, например, произошло с проектом устава Азиатского института.

Востоковедение в Казанском университете, как и в России в целом, развивалось под влиянием передовой демократической и революционно-демократической русской мысли. Казанские востоковеды с глубоким уважением относились к народам Востока, их культуре, истории, национальным традициям, писали о тяжелом положении народных масс и их политическом бесправии, выступали против включения Индии и Китая в «неисторические» страны и создали ряд ценных работ по филологии, истории и географии стран Востока. Но иногда в литературе можно встретить утверждение, что казанские востоковеды были лишь филологами. Против этого возражали сами казанские ориенталисты. Язык был для них лишь средством глубокого и всестороннего изучения жизни и истории народов Востока. Известный монголовед А. В. Попов, побывавший в Забайкалье и Монголии, писал: «Чтобы ближе озна-

¹ ЖМНП, 1825, VI, стр. XXXV.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5170, лл. 23—48.

комиться с народом, надобно знать язык его. Простые исследования о происхождении и распространении народов и языков их, основанные большею частью на догадках или на аналогических выводах без помощи языковедения, не должны иметь места в истории»¹.

Ведущей кафедрой восточного разряда была монгольская, учрежденная в июле 1833 г. Это была первая и долгое время единственная кафедра монгольской словесности в Европе. Бессменным руководителем кафедры (до перевода в 1854 г. восточного разряда в С.-Петербургский университет) был Осип Михайлович Ковалевский, которого «следует считать основоположником научного русского монголоведения»².

Это признается всеми, но, к сожалению, научная деятельность О. М. Ковалевского и его роль в создании русского монголоведения еще не освещены в нашей литературе. Востоковеды, говоря о возникновении русского научного монголоведения, лишь ограничиваются упоминанием имени О. М. Ковалевского или, в лучшем случае, краткой характеристикой его трудов.

Известно, что академик Б. Я. Владимирцов высоко оценивал труды О. М. Ковалевского и предполагал даже написать специальную монографию о знаменитом монголисте. К сожалению, ранняя смерть выдающегося советского монголоведа помешала ему выполнить это намерение³.

Большой интерес к О. М. Ковалевскому проявляет польская общественность. В 1948 г. Вроцлавское научное общество издало книгу известного монголоведа В. Котвича «Востоковед Юзеф Ковалевский»⁴. Это первая работа монографического характера о жизни и научной деятельности О. Ковалевского. В монографии собран большой фактический материал, имевшийся в Польше, вскрыты связи О. М. Ковалевского с польскими революционерами и демократами, описано его путешествие в Монголию и Китай, но труд В. Котвича носит биографический характер и в нем не использован материал, имеющийся в Казани и освещающий роль О. М. Ковалевского в создании научного монголоведения в России.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4195, л. 5.

² Н. П. Ш а с т и н а. История изучения Монгольской Народной Республики. «Монгольская Народная Республика». М., 1952, стр. 21.

³ Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. VI.

⁴ W. K o t w i c z. Józef Kowalewski orientalista (1801—1878), Wrocław, 1948.

В 1952 г. в польских научно-популярных журналах «Проблемы» и «Знания и жизнь» были помещены две небольшие статьи о Ковалевском (В. Завадского «О. Ковалевский — знаменитый польский ориенталист»¹ и Л. Жидкого «Польский Будда»²), носящие также биографический характер. Фактический материал авторами был в основном извлечен из книги В. Котвича.

О. М. Ковалевский тридцать восемь лет прожил в Казани. В ЦГА ТАССР сохранилась часть его рукописного наследства («Дневник путешествия в Монголию и Китай за 1830—1831 годы», «Дневник занятий за 1832 год», письма из Иркутска, Бурятии, Монголии и Китая), а в научной библиотеке Казанского университета имени Н. И. Лобачевского имеются книжки «Казанского Вестника», ставшие библиографической редкостью, в которых были напечатаны забайкальские письма Ковалевского. Некоторый материал о Ковалевском имеется в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР и в Архиве АН СССР. Этот материал, а также официальная переписка между попечителем Казанского учебного округа и министерством народного просвещения относительно открытия в Казанском университете монгольской кафедры и служебной деятельности О. М. Ковалевского дают возможность несколько восполнить пробел, имеющийся в литературе, о научной деятельности основателя научного монголоведения в России. Для написания данной статьи была также использована вышеотмеченная литература, изданная в Польской Народной Республике.

Осип Михайлович Ковалевский родился 28 декабря 1800 г. по старому стилю, или 9 января 1801 г. по новому, в деревне Большие Бржоставицы Гродненского уезда, в семье униатского сельского священника³. В 1809 г. его отдали в гимназию в Свислочи, которая находилась в ведении Виленского университета. «Состав преподавателей был очень хороший, — отмечает В. Завадский, — и уровень преподавания довольно высокой»⁴. Окончив гимназию, О. М. Ковалевский в 1817 г. поступает в Виленский университет, в котором в это время преподавали многие крупные профессора, известные своими передовыми взглядами: Иоахим Лелевель, братья Енджей и Ян Снядецкие, Гродек и др.

¹ W. Z a w a d z k i. Józef Kowalewski, znakomity polski orientalista. «Problemy», 1952, № 2 (71).

² L. Z y c k i. Polski Budda, «Wiedza i Życie», 1952, № 11953.

³ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 17. Примечание 1.

⁴ «Problemy», 1952, № 2 (71), str. 137.

Особенно большое влияние на виленских студентов оказывал глава польской буржуазно-демократической исторической школы И. Лелевель (1786—1861), занимавшийся историей польского народа. В своих лекциях и трудах он останавливался главным образом на социально-экономических отношениях. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали исторические работы И. Лелевеля: «Своими тщательными исследованиями экономических условий, превративших польских крестьян из свободных в крепостных, старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения порабощения своей родины, нежели целая толпа писателей, у которых весь багаж сводится просто к ругательствам по адресу России»¹.

И. Лелевель принимал активное участие в национально-освободительной борьбе польского народа и был идейным вдохновителем студенческих революционных кружков². О. М. Ковалевский был знаком с Лелевелем, который неоднократно впоследствии интересовался его жизнью и работой³.

Большой популярностью среди виленской молодежи пользовались также профессора братья Снядецкие, естествоиспытатели и материалисты, внесшие большой вклад в развитие передовой польской науки. Один из них, Енджей Снядецкий, основоположник химических и биологических наук в Польше, принимал участие в общественной жизни, осуждал крепостничество и выступал в защиту крепостных крестьян⁴.

В 1817 г. в Виленском университете было создано великим польским поэтом и революционером Адамом Мицкевичем тайное общество — «Общество филоматов» («друзей науки»). Общество не ставило перед собой непосредственных революционных задач, но выступало за национальную независимость Польши. Обсуждая социальные и политические вопросы, общество выступало против феодального строя и социального неравенства. Многие филоматы впоследствии стали членами тайных польских революционных обществ и принимали участие в польском восстании 1831 г. «Общество филоматов» было строго конспиративным, в него принимались только надежные люди. О. М. Ковалевский, принятый в общество одним из первых, был избран секретарем филологического отделения.

В целях распространения среди виленской молодежи идей национально-освободительной борьбы филоматами было создано два филиала — «Общество променистых» («лучистых»)

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 508.

² «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 438.

³ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 36.

⁴ «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 456.

и «Общество филаретов» («друзей добродетели»). Первым руководил Т. Зан, вторым — А. Мицкевич. О. М. Ковалевский стал членом «Общества филаретов». Сохранилась «Песня филаретов», написанная Адамом Мицкевичем, в которой подчеркивалось:

«Сегодня — право силы,
А завтра — сила прав»¹.

В 1820 г. О. М. Ковалевский окончил со званием кандидата философских наук филологическое отделение Виленского университета и был назначен в местную гимназию преподавателем латинского и польского языков. В это время выходят в свет первые научные работы О. М. Ковалевского, посвященные античной литературе. В 1822 г. он напечатал в «Виленском дневнике» исследование о греческом риторе Лонгине, а в 1823 г. издал с грамматическими и мифологическими комментариями шесть книг «Метаморфоз» Овидия, которые были приняты в качестве учебного пособия для учащихся гимназий. Одновременно О. М. Ковалевский стал усиленно заниматься переводом Геродота.

«Общество филаретов» просуществовало до середины 1823 г., когда оно было раскрыто царскими чиновниками. Началась расправа с участниками тайных патриотических обществ. В октябре 1823 г. был арестован О. М. Ковалевский. Через год, в октябре 1824 г., он и ряд других членов общества — Верниковский, Кулаковский, Козловский, Лозинский и Лукашевский были отправлены в Казань, из которых трое — Ковалевский, Верниковский и Кулаковский — должны были поступить в университет для изучения восточных языков².

В декабре 1824 г. О. Ковалевский, Я. Верниковский и Ф. Кулаковский прибыли в Казань. Накануне их приезда в университет от тогдашнего попечителя Казанского учебного округа Магницкого, находившегося в Петербурге, пришло предписание установить «строжайший за ними надзор», так как виленцы «обнаружили весьма предосудительный образ мыслей и имели вредное влияние на прочих своих товарищей»³. Они были поселены на квартире инспектора студентов, которому и был поручен особый надзор за ними.

Из восточных языков в Казанском университете в это время преподавались арабский, персидский и татарский. Лектором

¹ А. Мицкевич. Собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 89.

² W. Kotwicz. Op. cit., str. 34.

³ Н. П. Загоскин. История Казанского университета, т. IV. Казань, 1906, стр. 376—377.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5898, л. 1.

татарского языка был И. Хальфин, один из первых татарских ученых, составивший в 1809 г. «Азбуку и грамматику татарского языка с правилами арабского чтения».

Преподавателем персидского и арабского языков — Ф. Эрдман, которого академик Френ, основоположник русской арабистики, называл «архибездарною личностью»¹. Свои сухие и бездарные лекции Эрдман читал только на немецком и латинском языках. Студенты их не посещали. Русского языка Эрдман долгое время изучать не желал. В декабре 1822 г. ректор сообщил Совету университета, что на кафедре восточных языков у проф. Эрдмана не осталось ни одного студента. При выяснении причин решили, что виновны в этом студенты, из которых «никто столько не приготовлен, чтобы мог слушать преподавание проф. Эрдмана»². Об этом было доведено до сведения попечителя и правительства.

В связи с этим и были отправлены в Казань для изучения восточных языков, как хорошо владеющие латынью, О. М. Ковалевский, И. Верниковский и Ф. Кулаковский. Но О. М. Ковалевский также не желал слушать лекции Эрдмана. Он просил царское правительство, чтобы ему разрешили заняться учительством, но ответа на свое прошение не получил. Пришлось поневоле заняться изучением восточных языков.

О. М. Ковалевский решил прежде всего изучить татарский язык и уже через три года, усердно занимаясь в университете, свободно владел этим языком. Он стал даже составлять русско-татарский словарь, получивший высокую оценку И. Хальфина.

Одновременно О. М. Ковалевский занялся изучением истории местного края. Вместе с Ф. Кулаковским, молодым поэтом, он побывал в древних Булгарах; собирал татарские летописи и предания, а затем начал писать историю Казанского ханства. Вот что он рассказывал в 1835 г. об этой работе:

«...Еще перед отъездом в бурятские степи история Казанского ханства являлась целью моей работы в Казани. Собрание известий из русских хроник, отрывочных татарских заметок, местных преданий, путешествие к разным местам в пределах сегодняшней Казанской губернии, известных древними памятниками, изучение рукописей, покрытых пылью, скрывающихся в разных библиотеках и архивах, и корреспонденция

¹ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. «Труды III международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге», т. I. СПб, 1879, стр. 223.

² ЦГА ТАССР, ф. 977, № 2566, л. 2.

стоили немало труда. Отсюда выросла довольно большая книжка, до сих пор лежащая в рукописи, которая ожидает момента для выхода в свет»¹.

В. Котвич сообщает, что в библиотеке Виленского университета имеется большая рукопись по истории Казани, написанная на польском языке, которая, видимо, и является историей Казанского ханства О. М. Ковалевского². Одновременно он продолжал работать над античными авторами: заканчивает перевод истории Геродота и жизнеописаний Плутарха, пишет сочинение о стиле Дионисия Галикарнасского³.

Связи с филоматами и филаретами О. М. Ковалевский не прерывал. Об этом свидетельствует его переписка с А. Мицкевичем, К. Дашкевичем, О. Петрашкевичем, Ф. Малевским и другими, находящимися в Москве.

В письмах из Казани О. М. Ковалевский сообщал о жизни поляков, оказавшихся на границе с Азией, рассказывал о своей работе над восточными языками и античными авторами, жаловался на тяжелое настроение и упадок сил. Друзья из Москвы и Петербурга стремились, как могли, помочь О. М. Ковалевскому. Особенно большую моральную поддержку оказал ему А. Мицкевич. Так, в декабре 1826 г. он писал в Казань О. М. Ковалевскому:

«... Не следует падать духом, и ты, мой Юзю, несмотря на то, что в последнем письме было очень много кислого юмора, надеюсь, снова воспрянул духом... Хочу предупредить тебя, чтобы ты слишком много не работал, ибо это может отразиться на здоровье; лучше временами часик трубку покурить, в шахматы поиграть или поболтать. Интересуют меня подробности о твоём татарском словаре. Известен ли тебе старый татарско-русский словарь, кажется, в Казани изданный, который я здесь видел? Граматику Саси можешь держать сколько угодно: хотя она не моя, но я сумею объясниться перед ее владельцем. Может быть еще пришлю тебе какой-нибудь ориентальный подарок...

«Пиши мне, мой Ходжа Эффенди, как тебе нравятся мои восточные сонеты. Ты должен знать, что я собираюсь на восточ-

¹ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 38.

² Там же, стр. 39.

³ К сожалению, эти работы О. М. Ковалевского погибли. Уезжая в Иркутск, он передал рукописи Ф. Кулаковскому, который направлялся в Петербург. Но Кулаковский скоропостижно скончался в Петербурге. Полиция описала все его имущество, в том числе и рукописи. Наследников Ф. Кулаковский не имел, поэтому имущество было продано с аукциона, а рукописи пошли на оберточную бумагу («Московские ведомости», 1862, № 230).

ные просторы, читаю историю восточной литературы и даже шесть стихов истории Мирхонда с персидского оригинала уже перевел»¹.

В письме от 9 июня 1827 г. мы читаем: «...Любимый Юзю, ты ничего не писал о своей работе, о Геродоте, об истории Казани; скажи, как там идут дела, мне бы очень не хотелось, чтобы ты, как обыкновенно, замкнулся с книжками...»²

Переписка А. Мицкевича с О. Ковалевским свидетельствует о близких, приятельских отношениях, существовавших между ними в тот период.

Из поляков, находящихся в Казани, О. Ковалевский теснее всего был связан с Иваном (Яном) Верниковским (1800—1877), талантливым поэтом, который в августе 1827 г., после окончания университета, был назначен преподавателем арабского и персидского языков в Первую казанскую гимназию. И. Верниковский был не только поэтом, но и ученым, подающим большие надежды. Как видно из письма О. Ковалевского Дашкевичу от 26 ноября 1827 г., И. Верниковский прекрасно владел арабским языком, успешно работал над сокращенной арабской грамматикой «и помышлял о краткой хрестоматии» для учащихся гимназии³. В 1830 г. он был приглашен читать лекции в Казанском университете по всеобщей истории и географии. Его лекции пользовались огромной популярностью у студентов, которые сравнивали его с Грановским. Один из его слушателей, Н. И. Мамаев, вспоминал: «Верниковский для Казанского университета был тем же, чем впоследствии Грановский для Московского, т. е. светилом науки, но Верниковский имеет за собой первенство. Он первый указал нам живую связь науки с общим развитием жизни, общественной и политической; приохотил всех нас к изучению истории. Верниковский принадлежал к той плеяде молодых людей, которые были уверены в правоте своего дела и смело и бодро шли вперед...»⁴

Но в 1833 г. И. Верниковский был отстранен от преподавания, а затем арестован по «делу Заблоцкого», студента Московского университета, являвшегося членом «Тайного польского литературного общества», основанного другом В. Г. Белинского, членом кружка «11-го нумера» И. Савиничем. В. Г. Белинский не был членом «Тайного польского литературного

¹ «Korespondencya Adama Mickiewicza» t. 1. Paryż, 1874, str. 11—12.

² Там же, стр. 24.

³ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 186.

⁴ Н. И. М а м а е в. Записки. «Исторический Вестник», 1901, апрель, стр. 65—66.

общества», но имел тесную связь с Ф. Заблоцким, получая через него информацию о польском освободительном движении¹. Общество должно было обсуждать вопросы национально-освободительной борьбы и распространять повстанческо-революционную литературу. Так, Ф. Заблоцкий был уличен в распространении песни, в которой говорилось:

«Адом для нас является царский трон,
На нем ныне восседает черт,
Едва ли не заслуживающий виселицы.
Месть, братья, либо смерть!»²

И. Верниковский написал для альбома Ф. Заблоцкого стихотворение и встречался с ним летом 1832 г. в Москве. Ф. Заблоцкий познакомил его с Москвой, московскими археологами и литераторами. Суд над Ф. Заблоцким и И. Верниковским происходил в Витебске. В. Г. Белинский и И. Савинич были привлечены к следствию, но за неимением улик не были отданы под суд. И. Верниковский в своих показаниях рисовал Ф. Заблоцкого обаятельным и благородным юношей. «...Признаюсь чистосердечно, — говорил он на суде, — я любил этого человека»³. Ф. Заблоцкий был отдан в солдаты и отправлен на Кавказ, где он в 1847 г. умер от холеры, а И. Верниковский был сослан в Вятку. Последние годы своей жизни он провел в Сибирске.

О. Ковалевский не был связан с Ф. Заблоцким, но до конца жизни сохранял дружбу с И. Верниковским.

* * *

После окончания Казанского университета О. М. Ковалевский должен был поступить на службу в иностранную коллегию⁴. Делать из него ученого царское правительство не собиралось, но О. М. Ковалевский оказался в университете в благоприятный для него момент, когда Н. И. Лобачевский начал борьбу за превращение Казанского университета в передовой научный центр.

¹ См. В. П. Гурьянов. Белинский и тайное литературное общество студентов Московского университета. «Ученые записки МГУ», 1952, вып. 156. М. Поляков. Студенческие годы Белинского. «Литературное наследство», № 56, В. Г. Белинский, II.

² М. Поляков. Указ. соч., стр. 373.

³ Там же, стр. 388.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5898, л. 1.

Предложение об открытии в Казанском университете кафедры монгольского языка принадлежит тогдашнему попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину, который имел в виду лишь торговые и миссионерские потребности русского купечества и царизма. Н. И. Лобачевский горячо поддержал эту мысль и сделал все зависящее от него, чтобы превратить монгольскую кафедру в центр русского монголоведения. Царское правительство предложило выпisać преподавателя монгольского языка из-за границы. Эрдман обещал найти в Германии подходящую кандидатуру, но Н. И. Лобачевский предложил сформировать монгольскую кафедру из лучших воспитанников Казанского университета, послав их предварительно в Иркутск, на границу с Монголией, для изучения на месте живого монгольского языка и приобретения необходимой монгольской литературы. План ректора университета был принят. Выбор пал на О. М. Ковалевского и оканчивающего университет студента А. В. Попова, которому было разрешено досрочно сдать выпускные экзамены. Следует отметить, что кандидатуру О. М. Ковалевского предложил сам Н. И. Лобачевский.

Совет университета одобрил план Н. И. Лобачевского командировать О. М. Ковалевского и А. В. Попова на четыре года в Иркутск, к известному знатоку монгольского языка А. В. Игумнову, который уже давно имел связь с Казанским университетом.

На запрос, посланный Н. И. Лобачевским относительно обучения монгольскому языку двух воспитанников университета и путешествия с ними по Забайкальскому краю, А. В. Игумнов немедленно ответил согласием. Одновременно Н. И. Лобачевский потребовал от Отделения словесных наук составления инструкции, которой должны были руководствоваться О. М. Ковалевский и А. В. Попов во время их пребывания в Иркутске и среди бурят-монголов¹.

Инструкция, составленная профессорами Булыгиным² и Эрдманом, состояла из двух частей³. В первой части давались

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 3.

² В. Я. Булыгин — профессор статистики и всеобщей географии. Интересовался народами Сибири и Крайнего Севера. В 1827 г. в «Казанском Вестнике» им была напечатана статья «О Туруханском крае», в которой он, используя имевшуюся литературу, подробно описал хозяйство и быт населения Туруханского края.

³ В. Котвич в качестве инструкции приводит письмо попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина О. М. Ковалевскому и А. В. Попову, врученное им перед отъездом в Иркутск. Об инструкции, составленной Булыгиным и Эрдманом, как и о последующих, Котвич ничего не сообщает. Вероятно, они не были ему известны.

главным образом наставления общего характера, но подчеркивалось, что «каждый из них должен иметь для себя дневную книжку; неверяя ничего памяти, он обязан записывать в нее все, что он заметил важного или неважного в продолжение дня...». При этом «весьма немаловажно будет видеть наблюдения их о нравах, обычаях и склонностях монгольских поколений, о естественной истории и физических свойствах земли их... Сии дневные записи должны через каждые полгода отсылаться в университет под казенной печатью. Здесь они, может быть, подадут повод к новым замечаниям насчет некоторых темных мест истории, географии и литературы Востока»¹. Таким образом, уже в этой инструкции перед О. М. Ковалевским и А. В. Поповым была поставлена задача всестороннего изучения Монголии и бурят-монгольского народа — от языка монгольского до физической географии страны. Во второй части инструкции ставились отдельные вопросы. Например такие: «1) Что должно разуметь под словом солонгос? Так ли, или соллангос должно произносить оное? Действительно ли монголы называют оным жителей Кореи?.. 4) Что значило у прежних монголов выражение Чингис... и что значит оно теперь?.. 5) Что значит слово монгол или монголы; когда началось сие значение, когда вошло оно в употребление... 7) Нет ли у тунгусов собственного национального имени для себя? 8) Происходит ли теперешнее название реки Енисея от Иоандессы, коим обозначались верхние владения тунгусов?» и т. д. При этом авторы инструкции подчеркивали, что «все сии вопросы не должны быть просто разрешены словами: да, нет»².

Кроме этого, О. М. Ковалевскому и А. В. Попову были отпущены из хозяйственных сумм университета значительные средства на подарки местному населению, покупку рукописей и книг (монгольских, маньчжурских, китайских, тибетских), образцов одежды народов Востока, предметов домашнего обихода, культа, искусства, ремесла и т. п.

26 мая 1828 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов выехали из Казани в Иркутск. «Я жил в Казани, почти как на родине. Почему и мысль о расставании наводила горечь и какую-то пустоту сердца, — писал О. М. Ковалевский в первом письме с дороги. — Но в то же время, вспомня цель и пользу моего отправления в дальние страны, с радостью оставил я место своего пребывания»³.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 17.

² Там же, л. 19.

³ Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29 (фонд Ковалевского), № 6/664, л. 60. Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа от 16 июня 1828 года.

В Екатеринбурге они познакомились с аптекарем Гельмом, который в 1805 г. в составе российского посольства ездил в Китай. Гельм, знавший монгольский язык, рассказал, что им были составлены грамматика и словарь монгольского языка, но они сгорели в 1812 г. в Москве¹.

В июле 1828 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов прибыли в Иркутск. А. В. Игумнов встретил их очень приветливо. О. М. Ковалевский писал в Казань: «Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает»². Выше уже было отмечено, что А. В. Игумнов был в те годы одним из видных знатоков монгольского языка. По роду службы (чиновник канцелярии иркутского генерал-губернатора) ему приходилось много путешествовать. Он три раза, сопровождая Духовные миссии, был в Пекине. А. В. Игумнов одним из первых в России начал собирать монгольские книги и рукописи. Он успешно работал над монгольской грамматикой и монголо-русским словарем. Сибирский монголовед принадлежал к передовой местной интеллигенции. Современники писали, что вокруг А. В. Игумнова группировалась иркутская интеллигенция, осуждавшая деспотизм и произвол в Сибири царских саграпов, выступавшая в защиту угнетенных нерусских народностей. А. В. Игумнов неоднократно высылался из Иркутска, его письма перлюстрировались, а «некоторые из них удерживались как доказательство «преступных целей сего супротивника, зазнашки, китайского мандарина» и учителя темных делишек Пестеля и Трескина»³. О. М. Ковалевский всегда с уважением относился к А. В. Игумнову, называя его своим наставником, а себя его учеником⁴.

Посланцы Казанского университета, несмотря на огромные препятствия, заключавшиеся в отсутствии учебных пособий, с энтузиазмом принялись за изучение монгольского языка. Главная трудность заключалась в отсутствии словарей. Как сообщал О. М. Ковалевский, А. В. Игумнов давно уже занимался составлением монголо-русского словаря и к моменту их приезда наполовину закончил его, но слова в нем были расположены не по алфавиту, а по родам и видам вещей, поэтому «словарь

¹ ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей. Архив ф. 29, л. 70.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 58.

³ П. И. Б а с и н. Из прошлого Сибири. «Исторический Вестник», 1902, XI, стр. 555—556.

⁴ Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 99. Письмо О. М. Ковалевского А. В. Игумнову от 29 мая 1829 г.

не мог нам принести большой пользы»¹. Поэтому О. М. Ковалевский и А. В. Попов сразу же начали составлять свои монголо-русские словари: «Между тем необходимость заставила нас собрать монгольские слова и выражения и приготовить материалы для карманного словаря, для руководства при переводах»². А. В. Игумнов и здесь оказал им большую помощь, разрешив переписать свой словарь, в связи с чем он еще раз его «пересмотрел, исправил и подписал значение слов по-русски»³. О. М. Ковалевскому, кроме того, он передал материал, которым пользовался при составлении словаря, содержащий 12 тыс. монгольских слов.

Для начальных переводов с монгольского языка на русский А. В. Игумновым были предложены образцы коммерческих писем, деловые обязательства, отрывки из Монгольского уложения, напечатанного в Пекине в 1817 г., и, наконец, легенда о приключениях Гэсер-хана⁴ в «Пекинской версии». О. Ковалевский и А. Попов читали рукописный текст, имевшийся у А. В. Игумнова. В письме попечителю от 1 декабря 1828 г. О. М. Ковалевский писал: «В течение ноября месяца занимались мы переводом монгольского романа под заглавием: история Кгэсэр хана (Кгэсэр-ун Тооджи). Чтение сего сочинения (неоднократно напечатанного в Пекине, а в рукописи только находящегося у г. Игумнова), служит самым приятнейшим развлечением для монголов... История Кгэсэр-хана, написанная легким и полуразговорным слогом, приносит нам большую пользу. Посредством ее привыкаем к простому языку»⁵.

Дальше в этом письме О. М. Ковалевский отмечал широкое распространение эпоса «Гэсер» среди бурят-монголов: «Наши бурят-монголы... во всякое время читают историю Кгэсэр-хана... Некоторые из здешних жителей, знающие монгольский язык, не токмо слышали бурят, читающих упомянутую историю, но и сами для них читали беспрекословно в зимнее время»⁶.

В письме от 21 сентября 1829 г. из Троицкосавска он сообщает, что они уже наполовину перевели Гэсер-хана⁷.

¹ «Извлечения из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске». «Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. II и III, стр. 122.

² Там же, стр. 122.

³ Там же, стр. 123.

⁴ Там же, стр. 119.

⁵ Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 82.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 102.

Большое значение для работы О. М. Ковалевского над монгольскими языками и направления его научной деятельности имели встречи с основоположником русского китаеведения Н. Я. Бичуриным, приехавшим в 1830 г. в Иркутск. Так, по совету Н. Я. Бичурина он стал составлять «сравнительную таблицу бурятских и монгольских наречий для показа сродства их по происхождению и языку»¹. Неоднократно О. М. Ковалевский прибегал к помощи Н. Я. Бичурина также при работе над грамматикой и монгольско-русским словарем². Научная связь О. М. Ковалевского с Н. Я. Бичуриным продолжалась, как известно, и в последующие годы. Она имела большое значение не только для филологических, но и для исторических работ О. М. Ковалевского³.

В начале 1829 г. О. М. Ковалевскому удалось под видом иркутского чиновника посетить Северную Монголию и побывать в Урге. Это была его первая поездка в страны зарубежного Востока, давшая возможность ответить на некоторые вопросы, поставленные инструкцией, приступить к сбору богатого этнографического материала, познакомиться с халхасцами и их языком. Дело в том, что в конце 1828 г. истек срок пребывания в Пекине X Духовной миссии. Необходимо было доставить в Ургу для пересылки в китайскую столицу соответствующие бумаги. Это совпадало с китайским новым годом, поэтому отправляющиеся в Ургу также должны были вручить новогодние подарки китайским и монгольским чиновникам.

Первая часть пути из Иркутска в Ургу освещена О. М. Ковалевским с большими подробностями в специальной статье, напечатанной в «Казанском Вестнике» за 1829 г.⁴ О. М. Ковалевский дает описание Байкала, острова Ольхона, Шаманского камня, дороги из Иркутска в Кяхту, а затем — Северной Монголии. Одновременно он пытается разяснить происхождение некоторых наименований стран, озер и рек: Китай, Байкал и др.

В связи с пребыванием О. М. Ковалевского в Северной Монголии и предполагаемым путешествием их по Забайкалью,

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 247.

² Там же, л. 275.

³ См., например, «Разбор сочинения о. Иакинфа под заглавием: «Китай в гражданском и нравственном отношениях». «Семнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1848, стр. 130—137. Или: «Разбор сочинения о. Иакинфа под заглавием: «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 91—102.

⁴ О. М. К о в а л е в с к и й. Поездка из Иркутска в Ургу. «Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. V и VI.

Н. И. Лобачевский, стремившийся использовать каждую возможность для развития русской науки, предписал Отделению словесных наук как можно скорее составить и отправить О. М. Ковалевскому и А. В. Попову новую инструкцию, в которой было бы сказано, «каким образом должны они сообщать статистические и географические сведения о тех странах, где будут находиться»¹. Была немедленно составлена, таким образом, вторая инструкция, требующая весьма основательного географического, экономического и исторического изучения Сибири, Монголии, Китая и других стран Азии².

Поездка по Бурят-Монголии продолжалась весну и лето 1829 г. «Хотя главным предметом нашего путешествия за Байкал было изучение монгольского языка, — писал в Казань О. М. Ковалевский, — ...но в то же время мы старались делать наблюдения над самыми племенами монгольскими, вникать в их нравы, образ жизни, религию»³. Материал, собранный О. М. Ковалевским во время путешествия по Бурят-Монголии, был им немедленно обработан и отправлен в Казань в виде писем и дневных записок, которые внимательно рассматривались Советом университета. Об этом свидетельствуют протоколы Совета университета. В них можно найти такие записи: «Слушано было представление кандидата Ковалевского от 8 февраля за № 4, при коем представлено извлечение из дневника, веденного им за Байкалом в июне и июле месяцах истекшего 1829 г.»⁴.

Н. И. Лобачевский также внимательно ознакомился с их содержанием и был весьма доволен успехами О. М. Ковалевского. В письме к Мусину-Пушкину от 27 декабря 1828 г. он подчеркивал: «Ковалевский прислал нам свой отчет. В чрезвычайном его прилежании нельзя сомневаться. Он обязывает университет к признательности»⁵.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 31.

² Краткое изложение этой инструкции см. в нашей статье «Монгольская кафедра Казанского университета (история открытия)». Ученые записки Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина, т. 114, кн. 9.

³ О. М. Ковалевский и И. О забайкальских бурятах. «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. IX—X, стр. 15—16.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, ист.-фил. факультет, № 1, л. 7. Протокол заседания Совета от 15 марта 1830 г.

⁵ «Материалы для биографии Н. И. Лобачевского». Собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский. АН СССР, 1948, стр. 250. На сохранившихся отчетах О. М. Ковалевского имеются резолюции, сделанные рукою Н. И. Лобачевского или им подписанные: «Извлечение из дневных записок г. Ковалевского препроводить в Отделение словесных наук на рассмотрение с тем, чтобы о напечатании сведений, какие будут этого заслуживать, сообщить издательскому комитету» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 431).

На страницах «Казанского Вестника» были опубликованы следующие отчеты и письма О. М. Ковалевского: «Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, по 15 число ноября 1828» («Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. II—III), «Поездка из Иркутска в Ургу» («Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. V—VI), «О Забайкальских бурятах» («Казанский Вестник», 1829, ч. 26, кн. VIII; ч. 27, кн. IX—X. XI—XII; 1830, ч. 28, кн. II и III), «Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, за Байкалом, в августе 1829 г.» («Казанский Вестник», 1830, ч. 28, кн. I) ¹.

Большой интерес представляют письма и записки О. М. Ковалевского о забайкальских бурятах. О бурят-монголах писали и до О. М. Ковалевского ², но некоторые из путешественников, как, например, Мартос, изображали бурят «свирепыми дикарями» ³. Декабристы, сосланные в Сибирь, и О. М. Ковалевский были, собственно, первыми, кто с уважением отнесся к бурят-монгольскому народу, сделав правдивые описания их хозяйства и образа жизни.

Буряты, находящиеся в пределах России, делятся, сообщает О. М. Ковалевский, на предбайкальских и забайкальских. Забайкальские буряты живут в основном в округах Баргузинском, Кударинском, Хоринском и Селенгинском. Их численность — 145 232 человека ⁴. О. М. Ковалевский считал, что буряты и их предки — древнейшие жители окрестностей Байкала. Они еще «в окрестностях Байкала славилась во времена Чингис-хановых опустошительных походов» ⁵. Он подробно описывает физический тип бурят: «Буряты по большинстве среднего роста, телосложения здорового и крепкого, переносят терпеливо жару и стужу, которая в здешней стране бывает жестока... Вообще наружный вид буряты не имеет ничего отвратительного. Нередко встречаются лица довольно приятные и благородные; женский пол от природы не лишен прелестей и пленяющего взора. Может быть, не одна бы бурятская девица

¹ Отрывки из этих писем и отчетов О. М. Ковалевского были также напечатаны в журналах «Телескоп» (1833, XVII) и «Молва» (1833, 147, 153). В польском еженедельнике «Tygodnik Petersburski» печатались его письма из Бурятии петербургским друзьям. В 1835 г. во Франции прочли: *Extrait de la lettre qu'un Polonais... a écrite en Asie, au milieu des steppes habités par les Buriates* («Le Polonais», Paris, IV, 1835, 66—69).

² В. Гирченко. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и пер. пол. XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939 г. О Ковалевском и его статьях Гирченко ничего не сообщает.

³ В. Гирченко. Указ. соч., стр. 76—84.

⁴ «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. XI—XII, стр. 171.

⁵ Там же, стр. 159.

способна не последнее место занять между красавицами европейскихскими»¹.

В письмах и записках О. М. Ковалевского мы находим также подробное описание юрт, одежды, предметов домашней утвари, культа и т. д., при этом он подчеркивал, что «в низшем бедном классе почти нельзя найти различия в платье»². Основное занятие бурят — скотоводство, охота, земледелие. «Стада их состоят из верблюдов, лошадей, овец и рогатого скота... Быстрый конь его — роскошь и забава»³. О. М. Ковалевский неоднократно отмечал и изменения, которые происходили в процессе сближения с русскими в хозяйстве и культуре бурят. «Народ... по связям с русскими перенимает много образования, — записывал он в своем дневнике. — Не только строят уже дома деревянные в зимних и летних кочевьях, но даже во многих юртах заведена опрятность и порядок, столь редкий в Монголии под владычеством маньчжуров. Мало-помалу распространяется земледелие, и многие буряты привыкли к хлебу, а в странах, прилегающих к нашей границе, даже монголам передают приобретенные познания в земледелии. Это предзнаменование полезного переворота в Забайкальском крае между кочевыми жителями»⁴.

Большой заслугой О. М. Ковалевского является то, что он писал о социальном неравенстве, имевшемся между бурятами, о тяжелом и бесправном положении бурят-монгольской бедноты, разоблачал злоупотребления царских чиновников и шарлатанство ламаитского духовенства. Он выступал за немедленное просвещение бурят-монгольского народа, которое уже «начинает действовать на ум и сердце чад степных»⁵. Как известно, О. М. Ковалевский принимал участие в создании Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы, в которой обучались дети русских и бурятских казаков. Он составил «Проект положения о Троицкосавской Бурятской войсковой школе»⁶, организовал составление хроник о бурятских родах, переписку летописей и книг, запись народного творчества⁷.

¹ «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. XI—XII, стр. 186—188.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 195, 197.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 252.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 498.

⁶ Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, лл. 6—11.

⁷ В отчете Совету университета за период с июля по ноябрь 1832 г. О. М. Ковалевский писал: «С самого моего прибытия в Сибирь не упускал я из вида исторических сведений об инородцах, населяющих Забайкальский край... В кочевьях собраны уже изустные предания, из коих можно

Специально для него была составлена известная «Бичихан запискэ», в которой дано изложение истории бурят-монголов. О. М. Ковалевский выступал как просветитель бурят-монгольского народа. 25 сентября 1832 г. восемнадцать бурят-монгольских родов преподнесли ему письменную благодарность за отменные успехи в изучении бурятского языка, совершенное знание монгольских книг, искусство, проявленное при «переводе оных на российский язык», и «за ласковость в обращении с нами»¹.

* * *

В 1830 г. должна была отправиться в Китай очередная Духовная миссия. У О. М. Ковалевского еще в 1828 г. возникла мысль посетить вместе с миссией Монголию и Китай. Он буквально засыпал письмами попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина, в которых доказывал необходимость и возможность посещения Китая в составе новой Духовной миссии. Так, в письме от 22 декабря 1828 г. он писал: «...Быть с новою миссиею в Пекине и в продолжении одного года возвратиться с прежнею в Россию, принесли бы немаловажную пользу как в отношении языка, приобретения книг, так и собрания сведений о сих любопытных странах»².

В другом письме, от 23 февраля 1829 г., он еще и еще раз напоминал Мусину-Пушкину: «Поэтому осмеливаюсь еще раз утруждать ваше превосходительство моею покорнейшею просьбою исходатайствовать мне дозволение начальства находиться в виде чиновника при приставе, отправляющемся с Духовною миссиею в Пекин. Это единственное средство для усовершенствования себя в знании языка и собрания нужных по сему предмету сведений»³.

Ректор университета Н. И. Лобачевский поддержал его желание и настоял на отправлении письма в Азиатский департамент и Синод, которые комплектовали состав миссий, с хо-

избрать любопытные исторические происшествия и, очистив при свете критики, пополнить значительный недостаток в летописи бурят... При разъездах моих по кочевьям прежнее собрание бурятских стихотворений значительно увеличилось, равно как и повестей, коих большая часть списана со слов рассказчиков степных» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 200).

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 192.

² Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 85.

³ Там же, л. 94. Утверждение В. Котвича, что инициатива в отправлении О. М. Ковалевского с миссией в Китай принадлежала попечителю Казанского учебного округа, является неправильным.

датайством о включении Ковалевского в сопровождавший миссию персонал. Прощение Казанского университета было удовлетворено. О. М. Ковалевский был зачислен письмоводителем пристава. Что касается А. В. Попова, то ему было разрешено проводить миссию до Урги.

В связи с предстоящим отъездом О. М. Ковалевского в Монголию и Китай, Совет университета разработал и прислал ему новую, самую большую инструкцию, которая касалась физической и экономической географии Китая, его истории, политического строя, науки, литературы, искусства и т. д. Причем подчеркивалось, что сведения об этом он должен приобрести «из самых подлинных источников, актов правительства и разных уважаемых сочинений природных китайцев». В заключении инструкции было сказано: «Если невозможно собрать всех вышеозначенных сведений, то по крайней мере обратить внимание на статьи о государственном постановлении, о правлении, о народном хозяйстве и о народном просвещении»¹.

Весна и лето 1830 г. прошли в подготовке к отъезду. О. М. Ковалевский возвратился из Забайкалья в Иркутск, взяв с собой цонгольского бурята Зайсана Сундука Тулусунова, хорошо знающего монгольский разговорный язык². За короткий срок им была изучена почти вся литература о Китае. 26 июля 1830 г. он писал в Казань: «Читаю только сочинения, касающиеся Китая; следовательно, приготавливаю сведения для проверки оных на самом месте во время подлежащего путешествия»³. Особенно тщательно он изучил труды о Монголии и Китае Н. Я. Бичурина — «Записки о Монголии», «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем их состоянии», которые были ему присланы библиотекой Казанского университета⁴. В другом письме О. М. Ковалевский сообщал, что «готов обрить голову и нарядиться по-китайски, дабы только иметь свободный и покойный выход из русского дому»⁵.

О. М. Ковалевский провел в Монголии и Китае ровно год: с 30 августа 1830 г. по 3 сентября 1831 г. Необходимо отметить, что XI Духовная миссия выгодно отличалась от предшествующих своим составом. Среди лиц, сопровождавших духовенство, находилось, кроме О. М. Ковалевского, еще несколько пред-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, лл. 93—101.

² Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 100.

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 294.

⁴ Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 104.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 294.

ставителей русской науки: астроном Г. Фусс, ботаник А. Бунге¹, горный инженер Кованько. В пути и во время пребывания в Пекине (7 месяцев) О. М. Ковалевский вел подробнейший дневник, а также «статистическую и историческую часть путевого журнала»², который после возвращения из-за границы был передан министерству иностранных дел. Дорожные записи О. М. Ковалевского и его письма из Монголии и Китая полностью не сохранились. В. Котвич сумел использовать только одну книжку дневника, охватывающую период с октября до середины декабря 1830 г. — путешествие по юго-восточной Монголии и въезд в Китай. В ЦГА ТАССР хранится дневник О. М. Ковалевского с апреля 1831 г. по февраль 1832 г., освещавший последние дни жизни в Пекине и возвращение в Россию, и несколько его писем из Монголии и Китая. Дополнением к этому материалу являются восемь писем, присланных им из Забайкалья (первая половина 1832 г.), в которых также описывается путь от русско-монгольской границы до Пекина, экономическое и политическое состояние Дайчинской империи и ее частей. Это было ответом на вопросы, затронутые в инструкции. Письма О. М. Ковалевский назвал «Обозрение путешествия» и надеялся опубликовать их в изданиях университета.

Но опубликовать дорожные записи и эти письма О. М. Ковалевскому не удалось. Поездка русских ученых в Монголию и Китай происходила еще инкогнито, поэтому печатать корреспонденции О. М. Ковалевского и А. В. Попова Казанскому университету было строжайше запрещено³. Впоследствии О. М. Ковалевским было составлено шеститомное описание «Путешествия в Монголию и Китай», но рукопись этого труда погибла в Варшаве в 1863 г.

О. М. Ковалевский, находясь в Монголии и Китае, занимался главным образом изучением монгольского языка, так

¹ А. А. Бунге (1803—1890) — один из первых русских исследователей Алтая. В 1833—1835 гг. экстраординарный профессор ботаники Казанского университета.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 310.

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 362. Казанский университет все же неоднократно пытался добиться разрешения на опубликование записок и писем своих ориенталистов. Например, получив в начале 1831 г. «Путевой журнал» по Северной Монголии А. В. Попова, университет, рассмотрев его, обратился к министру народного просвещения, князю Ливену, за разрешением опубликовать журнал в «Казанском Вестнике». Ответ был отрицательный. «Я не могу согласиться, — писал Ливен, — на дозволение напечатать журнал путешествия д. ст. Попова, сопровождавшего отправленную в Китай Духовную миссию до монгольского города Урги» (там же, л. 347).

как это было основной целью его командировки на Восток. Дневник и письма нестрят записями и сообщениями о работе над языком. При этом он стремился изучить прежде всего живой разговорный монгольский язык и разобраться в монгольских наречиях.

«Имея в виду приобретение познаний в местном языке, во все продолжение пути через Монголию тщательно записывал я слова и выражения, употребляемые в разговоре... Старался и вникнуть в сущность наречий и обогатить свой дневник новыми замечаниями»¹, — вспоминал О. М. Ковалевский в 1832 г. о своей работе над монгольским языком во время путешествия. Он стремился использовать каждую встречу с монголами для пополнения своих знаний о языке и сбора слов: вступал в разговор с монголами, встречавшимися на пути, посещал юрты, подолгу задерживался около колодцев и переправ, вслушиваясь в монгольскую речь. «Я считал себя счастливым, — писал он в Казань профессору русской словесности Суровцову, — когда из-за чашки кирпичного чаю или верблюжьего молока от толпы чад степных уезжал с новым словом, песнею или сведением. Монголы чем богат, тем и рад!»²

В Пекине при помощи врача О. П. Войцеховского³, члена Х Духовной миссии, О. М. Ковалевский познакомился с молодым перерожденцем Минджул Гэгэном, который, в отличие от других руководителей ламаитской церкви, был ученым человеком. Минджул Гэгэн особенно интересовался географией и написал ценное исследование «География Тибета», переведенное на русский язык воспитанником Казанского университета В. П. Васильевым. О. М. Ковалевский сообщает, что Минджул Гэгэн часто посещал русское подворье, интересовался историей, астрономией, даже выучил русскую азбуку, а стены его кабинета были покрыты географическими картами, изданными в России⁴.

Минджул Гэгэн в знак уважения к русским дал Ковалевскому несколько уроков монгольского и тибетского языков, составил для него тибетскую азбуку, перевел одно сочинение нравственного содержания с маньчжурского на тибетский и, собственноручно переписав, переслал затем в Кяхту. Он при-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, лл. 474—475.

² ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 301.

³ В 1844 г. О. П. Войцеховский был назначен в Казанский университет и. д. профессора (на правах лектора) китайского языка. Как врач он постоянно оказывал бесплатную медицинскую помощь городской бедноте. Умер в Казани в 1850 г.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 531.

слал к О. М. Ковалевскому также своего секретаря, знавшего языки, который в течение трех месяцев почти ежедневно занимался с казанским востоковедом монгольским языком. Благодаря этому к концу пребывания в Пекине О. М. Ковалевский настолько хорошо овладел монгольским языком, что «на обратном пути через Монголию служил уже переводчиком»¹. Кроме монгольского языка, он занимался китайским, тибетским и маньчжурским, что первоначально не входило в план его занятий, но знание которых, особенно тибетского, было необходимо для изучения монгольского языка и литературы о Монголии и Китае. В Казанском университете в это время обсуждался вопрос об открытии маньчжурской кафедры. Отделение словесных наук университета еще в феврале 1830 г. предложило О. М. Ковалевскому заняться изучением маньчжурского языка². Но, естественно, что достигнуть таких же успехов в изучении этих языков, каких он добился в области монгольского, за столь короткий отрезок времени было очень трудно. «Что же касается маньчжурского языка, — писал он из Пекина, — по краткости времени я могу успеть несколько в познании начал оного»³. Впоследствии Ковалевский овладел и этими языками.

Однако было бы неправильно делать вывод о том, что он занимался в Монголии и Китае только языками. Он никогда не считал себя лишь филологом. Наконец, инструкции, присланные университетом, требовали от него именно всестороннего изучения стран Востока.

Путь, которым прошла в Пекин XI Духовная миссия, был уже описан Н. Я. Бичуриным⁴, являвшимся руководителем IX миссии, и Е. Ф. Тимковским, приставом при X⁵, поэтому в дневнике О. М. Ковалевского и записках других спутников мы не находим подробного описания дороги с ее станциями, переправами и колодцами. Однако для изучения Монголии и Китая эта экспедиция дала значительно больше, чем предшествующие. Г. Фусс и А. Бунге производили барометрические наблюдения, определяя высоту горных хребтов, отдельных вершин и крупных населенных пунктов, лежащих на пути. Кроме того, А. Бунге, изучая монгольскую флору, собрал богатейшую ботаническую коллекцию, которая долгое время оставалась единственной в мире. Инженер Кованько изучал

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 143.

² Там же, л. 83.

³ Там же, л. 197.

⁴ Н. Я. Бичурин. Записки о Монголии, т. I—II. СПб., 1828.

⁵ Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., т. I, II, III. СПб., 1824.

горные породы и природные ископаемые Монголии и Китая.

О. М. Ковалевский, как видно из дневника, помогал им определять географические пункты, исследовать флору и фауну Монголии и Китая. Одновременно он собирал для университета ботанические и энтомологические коллекции¹, составил даже список лекарственных растений, употребляемых в этих странах². В его записках мы находим также упоминания о выводах, сделанных А. Бунге относительно прошлого пустыни Гоби, происхождения и состава «каменного пояса». «По новейшим барометрическим наблюдениям доктора Бунге, — писал О. М. Ковалевский казанским ученым в феврале 1832 г., — все пространство от Гэнтэя до Китая оказалось углубленным бассейном, окруженным горами, но сеткою небольших возвышений разрезанным на много других бассейнов. . . Почва земли, изобилующая солончаками, производит растения солончатые, вмещает в себе воду солонцоватую, неглубоко, впрочем, в недрах ее сокрытую. Сии обстоятельства ведут к заключению, что мнимая плоскость Монголии была некогда дном моря»³.

Сбор материала о хозяйстве и быте, нравах и обычаях, религии и литературе монгольского народа, разумеется, продолжался. В кратком отчете, представленном Совету университета после возвращения из Китая, О. М. Ковалевский писал, что им составлено подробное «Описание Монголии. . . в отношении политическом, нравственном, хозяйственном, религиозном» и проведено сравнение с забайкальскими бурятами⁴. Как и в Бурят-Монголии, он много занимался социальными вопросами, положением народных масс Монголии. Не понимая корней и характера социальной дифференциации, Ковалевский, однако, всегда отмечал разницу в экономическом и правовом положении между богатыми и бедными монголами. В его дневнике и письмах имеется большое количество записей и сообщений о тяжелом, нищенском, беспросветном положении народных масс. Этим дневник О. М. Ковалевского выгодно отличается от дорожных заметок его предшественников и спутников. Так, проезжая через урочище Холой, он записал в своем дневнике: «Кроме коз в малом числе никакого скотоводства здесь не встречаем. . . Истощенные и оборванные монголы с семействами своими проводят плачевную жизнь, не надеясь никогда ничего лучшего видеть. Толпы их беспрестанно окружают нас,

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 400.

² ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 251.

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 476.

⁴ Там же, л. 730.

чтобы получить несколько сухарей или кусок баранины»¹.

Через несколько страниц аналогичная запись: «Один монгол, 70-летний старец, посетивший нас, назвал себя в полном смысле нищим, ибо не имел ни одной лошади, а все богатство его состояло из 9 коз и 2 коров. От них получают пропитание 6 человек. В другой юрте с жадностью дети бросились на несколько русских сухарей. Не было здесь ни молока, ни сыра: один черный кирпичный чай служил вместо воды и пищи. Жители же почти наги»². В таком тяжелом материальном положении находилась основная масса монгольского народа. Эти записи были сделаны О. М. Ковалевским, когда он находился в юго-восточной части страны. В Северной Монголии картина такая же: «24 августа. Спуск довольно крут, кругом трава, лес. Отселе проистекают многие ручейки, на берегах оных кочуют многие монгольские семейства, но чрезвычайно бедные, полунагие, с паршами на голове. Ужасно взглянуть на оборванное их платье и изуродованное тело»³.

Сравнивая хозяйства бурят, живущих в пределах России, с монгольскими, находившимися в составе Дайцинской империи, О. М. Ковалевский отмечал, что наши буряты в хозяйстве значительно опытнее монголов: они начали заниматься земледелием, сенокосением, промыслами, ремеслом. Беднота тоже нещадно эксплуатируется со стороны богатых бурят, духовенства и царских чиновников, но в Бурятии все же нет такой массовой, ужасающей нищеты, как в Монголии. Особенно часто он подчеркивал развитие ремесла и промышленности в Бурятии и почти полное отсутствие этого в Монголии: «У наших бурят гораздо более известны кузнечное, столярное и проч. искусства, чем в Монголии. Они умеют уже построить хороший деревянный дом, сделать выгодной экипаж, ковать железо, делать пожи, огнивы, украшать серебром и маржаном свои седла; некоторые охотно даже занимаются земледелием. В Монголии не легко можно встретить что-либо тому подобное»⁴.

Пытался ли О. М. Ковалевский найти причины отсталости Монголии и тяжелого положения народных масс? Да, но он их видел только в политике маньчжурского дома, злоупотреблениях маньчжуро-китайских и монгольских чиновников и корыстолюбии ламаитского духовенства. Например, О. М. Ковалевский неоднократно подчеркивал, что маньчжурские власти

¹ ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 165.

² Там же, л. 181.

³ Там же, стр. 210.

⁴ Там же, стр. 189.

сознательно всячески препятствовали развитию в Монголии земледелия, ремесла и торговли, так как боялись, чтобы «степной житель с течением времени не мог образоваться и подкрепить свои силы. Истощенный дикий зверь делается ручным!»¹

Особенно гневно Ковалевский обрушивался на ламаитское духовенство, которое даже членам миссии не давало прохода, выпрашивая подарки, или стремилось совершить выгодные торговые сделки. «Если к иностранцам жрецы сии столь бесстыдно приступают, чего же бедный монгол, верою связанный, от них ожидать должен?»² — писал он.

На вопрос, возможно ли развитие в Монголии промышленности, ремесла, торговли и литературы, О. М. Ковалевский отвечал утвердительно, но для этого необходимо, по его мнению, прежде всего просвещение; нужна наука, которая, однако, еще не входила в число потребностей жизни монголов. Существующие же научные достижения монголов были далеки от подлинной науки. «Медицина здесь есть не что иное, как откровение Будды, который знает все недуги человека и средства отвращения оных, — писал он в Казань. — Врач. . . предлагает лекарство вместе с молитвою и заклинаниями. Составление календаря связано с темными вычислениями астрологии, основанной на богословии. Живописец руководствуется правилами свыше преподанными. Историк, повествуя деяния замечательного лица, иногда не теряет из виду хода своей веры»³. Монголы — народ способный. Необходимо лишь просвещение, необходимы школы. «С заведением и приличным устройством училищ, — утверждал О. М. Ковалевский, — в скором времени на литературном даже поприще (монголы. — Г. III.) могут оказать плоды своих способностей»⁴.

6 ноября 1830 г. миссия, перейдя через Великую стену, прибыла в Калган, первый китайский город, расположенный на границе с Монголией. «Увидел я новый совершенно мир!»⁵ — вспоминал впоследствии О. М. Ковалевский. «Какое перо, чья кисть может вполне представить разнообразие, встреченное нами от первого собственного китайского хребта в переходе через Великую стену, до самой столицы?»⁶ — писал он в Казань профессору Суровцову в марте 1832 г., рассказывая о своем путешествии в Китай, который захватил его трудолю-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 505.

² ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 148.

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, ист.-фил. факультет, № 38, л. 8.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 496.

⁵ Там же, л. 505.

⁶ Там же, л. 301.

бием и внутренней культурой народных масс, но поразили разложением господствующего класса.

На рубеже XVIII—XIX вв. среди европейских дворянско-буржуазных философов и историков получила широкое распространение теория «европоцентризма», сводившая всю историю человечества только к истории европейских государств. Остальные страны, особенно азиатские, к которым причислялись Китай и Индия, объявлялись «исторически», а их вклад в развитие культуры человечества всячески третируются или просто отрицались. «Европоцентризм», в основе которого лежала «теория» о неравноценности рас, должен был оправдать колонизаторскую политику буржуазии Европы и США. Русским востоковедам всегда был чужд расизм. Они первыми выступили против включения Китая и Индии в категорию «исторических» стран. Среди них находился казанский востоковед О. М. Ковалевский.

«Твердят нам, что Китай враг новости, прилеплен к старым формам»¹, писал он в Казань 7 мая 1832 г. О. М. Ковалевский соглашался с тем, что в Китае «промышленность и фабрики и просвещение в совершенном упадке . . . народ беден»², но не значит ли это, что Китай, как и другие страны Восточной Азии, не развивался; или, если и развивался, то совершенно другим путем. О. М. Ковалевский считал, что подобное утверждение могло появиться только в результате недостаточного изучения стран Азии. Эту мысль он изложил в «Кратком обзоре занятий» от 15 мая 1832 г.: «Восточная половина Азии еще по многим мало известная страна . . . При всех усилиях ориенталистов, география и история, в пространном своем значении, еще не обработана так, чтобы могла присоединиться к истории, всеобщей нами называемой, между тем как взгляд на оную представляет нам ход человечества, медленно, но теми же путями подвизающегося в успехах, что и в других частях света»³. И О. М. Ковалевский выступал за глубокое изучение великой азиатской державы, ибо Китай «поистине есть страна любопытная, достойная внимательного взора Европы»⁴.

В этом отношении большую ценность представляет его речь «О знакомстве европейцев с Азией», произнесенная в августе

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 552.

² Там же, л. 555.

³ ЦГА ТАССР, ф. 97, ист.-фил. факультет, № 38, л. 2—3. В дневнике О. М. Ковалевского мы находим такую запись: «В Китае... много еще сходства найти можно с феодальными обычаями, в Европе некогда существовавшими» (ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 111).

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 552.

1837 г. в актовом зале Казанского университета на торжественном собрании профессоров, преподавателей и студентов. Отметив поверхностное знакомство европейцев с Китаем и другими странами Востока, О. М. Ковалевский призвал ученых к внимательному и всестороннему изучению стран Азии: «Сколько здесь предметов для языковеда, поэта, философа, археолога, историка! Сколько тайн сокрыто в богатейшей природе!»¹

С уважением и теплотой О. М. Ковалевский описывал китайских крестьян и ремесленников, создавших все материальные ценности страны. Он поражался их трудолюбию, настойчивости, скромности. Вот как он описывал свою первую встречу с китайскими крестьянами: «После пустырей степей, после праздного и неопрятного монгола, как очаровывает вежливый, прилежный и опрятный деревенский китаец! Лицо его выразительно, чисто. Платье не испещрено по прихоте и моде, вечно у нас переменяющейся. Сипяя даба употреблена на верхнюю одежду, до колен достигающую, в зимнее время простеганную, равно как и нижнее платье. Легкие сапожки или башмаки не обременяют пог. Валяная шапка, или лучше сказать, колпак с поднятыми вверх полями, покрывает подбритую вокруг голову, а оставленные на макушке волосы заплетены в косу, висящую на спине. Одни только женщины, по варварскому древнему обычаю, имея с малолетства изуродованные ноги, едва-едва передвигаются с одного места на другое, иногда при помощи палки, но почти всегда с трубкою на длинном чубуке. Иные — на двухколесной тележке, везомой мулом или ослом, переезжают в близкую деревню. Мужчины на гумне молотят хлеб, прядут, уваживают или поливают пашни. Малолетние дети по своим силам участвуют в занятиях родителей. Такими я видел здесь в первый раз крестьян!»². Эти строки были написаны им в 1832 г., уже после возвращения из Китая, следовательно, они не являются результатом первого впечатления, которое иногда бывает ошибочным. Более того, они не единственные. Во всех письмах из Китая и Забайкалья О. М. Ковалевский, подчеркивал прежде всего трудолюбие китайского народа, его любовь к ремеслу и земледелию.

Но, несмотря на свое трудолюбие, китайский народ был беден, беспросветно беден. «Возле великоленных, золотом украшенных зданий стоят лачужки, логовища бедных. За колесницею богатейшего вельможи, окруженного толпою хорошо одетых наездников, влекутся полчища бесприютных нищих,

¹ О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837, стр. 33.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 506.

без рубища, со всклокоченными волосами, покрытых струньями и грязью»¹, — писал О. М. Ковалевский в Казань 7 мая 1832 г.

Европейские миссионеры, хлынувшие в Китай в XVII—XVIII вв., тоже отмечали нищету китайского народа, причину которой они, однако, видели лишь в многолюдности страны. Поэтому они предлагали вступить на путь массового уничтожения населения, заявляя, что это даст возможность уничтожить бедность китайских крестьян и ремесленников. О. М. Ковалевский с гневом обрушивался на этих мальтузианцев, которые якобы «для блага Китая желают, чтобы сильная революция или поветрие уменьшило до половины народонаселение страны»². Он считал, что в тяжелом экономическом положении крестьян и ремесленников, в упадке китайской промышленности, торговли, культуры и искусства виновны прежде всего правители Китая — князья, чиновники, купцы, стремившиеся только к своему личному обогащению. О. М. Ковалевский описал и разложение китайского господствующего класса, среди которого царили только разврат, казнокрадство, взяточничество.

«Для расточительности нет пределов, — писал он. — Роскошь неимоверна, разврат неслыханный... При нас единственный китайского престола наследник умер от распутства на 23 году возраста. Где же правдивность, проповедуемая любомудрами, прославленная европейцами? Где строгость законов, ограждающих спокойствие и благоденствие жителей? В книгах!... За деньги удастаиваются докторской степени, за деньги каждый воин может освободиться от службы и походов, за деньги изверг рода человеческого увольняется от смертной казни, но также покупаются чины; словом, нет здесь ничего заветного, чтобы за деньги не перенималось»³.

Разваливался не только чиновничье-бюрократический аппарат, но и армия: «Изнеженных воинов, в случае похода, перевозят на телегах, и они ненаказанно грабят своих соотечественников по дороге. В велеречивых реляциях прославляется храбрость и неустранимость, распорядительность и искусство: желтые курмы, павлиньи перья, похвальные титла раздаются мнимым рыцарям»⁴. Вооружение маньчжурской армии составляли лук и сабля, ружье с фитилем, чугунные пушки старинной работы; в армии не было ни порядка, ни дисциплины; военное искусство также отсутствовало. «Нельзя не удивляться, —

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 554

² Там же, л. 557.

³ Там же, л. 556.

⁴ Там же.

писал О. М. Ковалевский, — что сие древнее колоссальное здание, снаружи несколько украшенное пестротою, закрывающею все внутренние недостатки и дряхлость, до сего времени еще существует»¹. Но опасность уже надвигалась. Англия захватила Бирму и переселила туда 40 тыс. калтайцев, контрабандно торговала опиумом, вывозя из Китая золото и серебро, искала она свободы в торговле, кроме Кантона, еще и в губернии Фу-дзян, желала на свой счет устроить там каналы, уничтожить тягостную монополию в Кантоне, уменьшить пошлину с кораблей взимаемую, а прежде всего иметь свою миссию в Пекине, «подобие русской»². Совершенно иным является отношение России к Китаю: «С севера Россия свято соблюдает условия мирного трактата и во многих отношениях приобрела к себе истинное уважение соседей и исторгает у них удивление исполненными своими успехами»³.

Вскрывая положение, сложившееся в Китае, О. М. Ковалевский считал, что во многом виновны «изнеженные маньчжуры», которые, хотя и «переродились здесь в современных китайцев, приняли обычаи, нравы, просвещение своих подданных, забыли собственный язык и древний воинственный характер», продолжали, однако, считать себя завоевателями и держать в своих руках важнейшие государственные должности. Кроме этого, «содержание княжеских домов требует огромного количества серебра»⁴. Но китайцы не покорились завоевателям: «Неоднократные покушения народа свергнуть с себя иго обнаруживают дух, волнующий китайцев»⁵.

Таков Китай по записям и письмам О. М. Ковалевского.

Великий Китай, создавший древнейшую в мире культуру, «под тенью славы своих предков дремлет, пока невидимая сила укажет ему новое направление!»⁶.

В. Котвич сообщал, что в дневнике О. М. Ковалевского, которым он пользовался, имелись также подробнейшие сведения, собранные им в Китае, о Корее, Японии и других странах Дальнего Востока⁷.

Кроме изучения языков и ответов на вопросы, поставленные инструкциями, посланец Казанского университета должен был приобрести в Монголии и Китае необходимые для университет-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 557.

² Там же, л. 558.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 556.

⁵ Там же, л. 557.

⁶ Там же, л. 559.

⁷ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 76

ской библиотеки рукописи и книги. С этой задачей он также блестяще справился, хотя вначале встретился с большими трудностями, связанными с недостаточным знанием монгольской и китайской литературы ¹. Но затем с помощью О. Войцеховского, которому в Китае были открыты все двери, он стал покупать книги прямо в дворцовой типографии, даже «по весу или по величине оных» ². Большую помощь в отыскании нужных книг и рукописей оказал ему и Минджул Гэгэн, разрешив рыться в монастырских библиотеках и снимать копии с наиболее ценных находок. Всего О. М. Ковалевский привез в Казань, из Монголии и Китая, 189 сочинений в 1433 томах, включая рукописные ³. Это было богатое собрание словарей, книг на монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках по истории, философии, религиям Востока, особенно буддизму, законодательству и т. д.

Была им также вывезена из Китая большая коллекция картин, изображающих военных и гражданских лиц, главным образом чиновников, свадебные обряды, представителей трудового народа — крестьянку в простом платье, продавца капусты, водоноса. Кроме того, были вывезены также китайские костюмы, предметы домашнего обихода, туалета, культа, образцов тканей, бумаги, туши, прописей, медных монет, чеканенных при разных династиях ⁴.

6 июня 1831 г. члены сменной Десятой миссии и сопровождающий персонал выехали из Пекина. 3 сентября они прибыли в Кяхту. Представители Академии наук — Фусс, Бунге, Кованько — выехали в Петербург. О. М. Ковалевский остался в Забайкалье, среди бурят, продолжая работу по изучению монгольского языка и монгольской литературы ⁵.

¹ Кроме того, среди хозяев книжных лавок было очень много жадных и холодных торгашей: «Хладнокровный торгаш, сидя за чашкою чая, готов по два и по три часа договариваться о книжке, стоящей не свыше 1 рубля. Горе неосторожному и пылкому покупателю! Увеличение цены на одной вещи влечет за собой подобное приращение и на других!» (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 528).

² Там же, л. 528.

³ О. М. Ковалевский. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете. Казань, 1842, стр. 28.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4251, лл. 1—13. См. также «Казанский Вестник», 1831, ч. 33.

⁵ Ю. Талько-Грынцевич в небольшой брошюре «К 100-летию рождения О. М. Ковалевского» (Иркутск, 1902) писал, что О. М. Ковалевский, возвратившись из Китая, сразу же отправился в Петербург, а в 1832 г. вторично приехал «в Забайкалье для продолжения своих научных работ». Материалом это, однако, не подтверждается.

В Кяхте, произошла новая встреча О. М. Ковалевского с Н. Я. Бичуриным, организовавшим здесь частное училище китайского языка. Н. Я. Бичурин пригласил его посетить школу. «Успехи, — записывал О. М. Ковалевский в своем дневнике, — смотря по краткости времени (не более 5 месяцев) подлинно удивительны. . . Честь о. Иакинфу, который без всякого возмездия свободные часы от своих ученых занятий посвящает сему полезному заведению»¹.

Срок командировки О. М. Ковалевского и А. В. Попова истекал в мае 1832 г., но они не успели закончить сбора необходимого им для работы в Казани материала, поэтому обратились к университету с просьбой о продлении командировки еще на год. Совет университета под председательством Н. И. Лобачевского, рассмотрев их просьбу, разрешил им остаться в Забайкалье до 1 декабря 1832 г.²

О. М. Ковалевский в 1832 г. вновь, на этот раз уже один, путешествовал по Бурят-Монголии.

Из писем, присланных в Казань, Москву и Петербург, где в это время жил его брат, занимавшийся педагогической деятельностью, видно, что он объехал и обошел с бритой головой, одетый в монгольский халат, питаясь исключительно кирпичным чаем и бараниной, поджаренной без соли над очагом, почти все Забайкалье³. Неизвестно, вел ли он дневник во время своего второго путешествия по Бурят-Монголии (нами был обнаружен только «Дневник занятий» за 1832 г.), но некоторые его письма к брату и друзьям опубликованы в Петербургском еженедельнике «Tygodnik Petersburgski». Часть из них была перепечатана «Телескопом» (1833 г. № 17) и «Молвой» (1833,

¹ ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 238—239.

² Сохранилось отношение Совета университета, подписанное Н. И. Лобачевским, к попечителю с ходатайством о продлении О. М. Ковалевскому и А. В. Попову срока командировки: «Для дальнейших успехов г. Ковалевский желал бы всю зиму провести в Кяхте, где можно иметь частые свидания с бурятами и пользоваться их объяснениями; лето же, как удобное время для разъездов, пробывать в кочевьях Цонгольских и Селегинских; но как сие последнее потребует продления их срока и лишних расходов, то он, г. Ковалевский, представил все сие на усмотрение Совету университета.

Совет Казанского университета просит разрешения Вашего прева на дозволение г. г. Ковалевскому и Попову пробывать летнее время в кочевьях Цонгольских и Селегинских с тем, чтобы возвратились в Казань не позднее 1 декабря сего года». Ректор университета — Н. Лобачевский (подпись). 27 февраля 1832 г. (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 450).

³ «Сколько месяцев я вынужден был спать на мерзлой земле, занесенной снегом, среди верблюдов или оленей! Возможно ли на куске тонкой бумаги перечислить все мои приключения, грустные и веселые?» — писал он брату в Петербург (W. K o t w i c z. Op. cit., str. 62).

№ 147 и 153). Перевел их с польского И. Савинич, сотрудничавший одновременно с В. Г. Белинским в этих журналах ¹. Во Франции в 1835 г. в журнале «Польша» были опубликованы выдержки из письма О. М. Ковалевского о его жизни среди степных бурят ².

Нам кажется, что встреча О. М. Ковалевского с декабристами, в результате которой появились в его записной книжке четырнадцать автографов декабристов — Трубецкого, Волконского, Оболенского, Давыдова, Батенькова и других — произошла именно в 1832 г., а не в 1829, как утверждает В. Котвич ³. Тем более, что только с 1832 г. стали отправлять на поселение в различные места Бурят-Монголии декабристов, отбывших срок каторги. А в конце его дневника за 1831 г., среди дополнительных записей, сделанных в 1832 г., появляются следующие строчки:

«Все в мире погибает
Как в бурном вихре прах;
Но дружба процветает
В позднейших временах» ⁴.

Летом 1832 г. О. М. Ковалевский в долине Тамчи Тола у Гусиного озера наблюдал незабываемое зрелище — освящение обо, подробно описанное им в письмах в Казань и Петербург ⁵. О. М. Ковалевский считал, «что не одно жертвоприношение Тэгрию, покровителю скотоводства, составляет предмет сего праздника, но гимнастические упражнения и поэзия с пением» ⁶. И он сравнивал народные состязания и игры, которые наблюдал в момент освящения обо, с олимпийскими играми древних греков, не забыв отметить, что ламаитское духовенство и здесь думает больше всего о личных выгодах, проводя «в блаженстве беззаботную жизнь на счет покорных поклонников» ⁷.

¹ М. Поляков. Студенческие годы Белинского. «Литературное наследство», № 56, стр. 384.

² «Extrait de la lettre qu'on Polonais. . . a écrite en Asie, au milieu des steppes habités par les Buriates», «Le Polonais», Paris, IV, 1835, стр. 66—69.

³ W. K o t w i c z. Op. cit., стр. 61. Записная книжка О. М. Ковалевского, в которой имелись также автографы А. Мицкевича, филомагов, филаретов и других его друзей (он завел ее перед отъездом в Казань), погибла во время второй мировой войны (W. K o t w i c z. Op. cit., стр. 31).

⁴ ЦГА ТАССР. ф. 10, № 843, л. 319.

⁵ «Молва», 1833, № 153.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 578.

⁷ Там же, л. 574.

Вторую половину 1832 г. он провел на берегу реки Темник, среди селенгинских бурят, поселившись в заброшенном, ветхом домике умершего бурята.

«Для тебя, жителя самой красивой в мире столицы, — писал О. М. Ковалевский брату в Петербург, — не очень приятно было бы посмотреть на настоящую мою квартиру: без крыши, двери, окон, в которой несколько лет тому назад жила бедная семья, ставшая свидетелем ужасных мучений своего родоначальника. Недалеко отсюда, в ивовом леске лежит камень на останках несчастного старика, который долго болел до смерти. Мой предшественник хорошо владел языками тибетским и монгольским, был чрезвычайно силен телом и памятью, славился способностями в поэзии и добрым сердцем»¹.

Основным предметом занятий О. М. Ковалевского попрежнему оставался монгольский язык², но он дополнительно стал изучать еще санскритский, который понадобился ему при работе над словарем. 15 мая 1832 г. О. М. Ковалевский писал в Казанский университет, что решил основательнее заняться также изучением буддизма, ибо «труды Палласа и Бергмана открывают более наружность буддизма»³. Одновременно он искал среди бурят-монголов, по заданию Н. И. Лобачевского, человека, знавшего тибетский язык, для использования его в качестве наборщика в университетской типографии⁴. Особенно плодотворным для занятий было начало зимы 1832—1833 гг., которая оказалась выжженной и снежной. Разъезды пришлось прекратить. Утром и днем, сидя у маленькой печи с застывавшими от холода чернилами, он переписывал монгольско-русский словарь и работал над монгольской грамматикой, а вечером, посещая юрты, слушал «повести о воплощениях различных богов, о героях, коих слава наполнила десять стран света, об остроумных юношах; иногда тень Чингис-хана появлялась на сцене, впрочем довольно редко»⁵.

Часто О. М. Ковалевскому приходилось оказывать бурятам первую медицинскую помощь, особенно в эту зиму, и поддержи-

¹ W. Kotwicz. Op. cit., str. 99.

² В письме Совету университета от 8 июля 1832 г. О. М. Ковалевский сообщал: «Сегодня я отправляюсь в степную 18 Селенгинских родов думу, где надеюсь найти несколько бурят, с коими приступлю к переписке собранных мною рукописей для университетской библиотеки, и продолжать практические упражнения в языке посредством бесед с природными знатоками и чтения книг, начну приводить в порядок свой монгольский лексикон» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 182).

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, ист.-фил. факультет, № 38, л. 5.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 627.

⁵ «Молва», 1833, № 147.

вать больных продуктами питания. В Петербург он писал: «Почти каждый день я принимаю от больных посольства и просьбы о присылке им чаю и сахару»¹.

В начале 1833 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов, проведя почти пять лет среди бурят-монголов, выехали из Иркутска в Казань. В Тобольске О. М. Ковалевский встретился со своим старым другом О. Петрашкевичем², с которым он провел несколько дней. Возобновилась переписка, продолжавшаяся до 1863 г. 14 марта 1833 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов возвратились в Казань, но сразу же выехали в Петербург: министр просвещения потребовал немедленного прибытия их в столицу для отчета и экзамена. Проверить знания монгольского языка О. М. Ковалевским и А. В. Поповым и рассмотреть научные работы, привезенные ими из Забайкалья, было поручено Академии наук, в частности академику И. Я. Шмидту, автору первых в России учебных пособий по монгольскому языку.

Экзамен прошел блестяще. Даже академик И. Я. Шмидт, кичливый и самоуверенный, писавший свои работы главным образом на немецком языке и никогда не скрывавший своего презрения к русским³, вынужден был дать высокую оценку их знаниям и научным работам, отметив особо «Краткую грамматику монгольского языка» и «Краткий монгольско-русский словарь» О. М. Ковалевского.

«Мне остается только поздравить Казанский университет и отечество, — писал Шмидт 9 июня 1833 г. попечителю Казанского учебного округа, — с приобретением выходящих из недр одного и другого двух молодых людей, подающих необыкновенные надежды к успешному ходу на почти вовсе новом и довольно трудном ученом поприще, на котором, сколь бы давно для отечества нужно ни бывало, поныне еще никто из урожденных соотечественников не стремился»⁴.

Совету Казанского университета О. М. Ковалевским было представлено «Краткое обозрение занятий», состоящее из двух частей: 1) об изучении языка и составлении учебных пособий, 2) о выполнении инструкций. Рассмотрев отчет, Совет университета постановил: «Все собранные Ковалевским мате-

¹ «Молва», 1833, № 147.

² О. Петрашкевич, библиотекарь Московского университета, был сослан в Тобольск в 1832 г. за подготовку побега польских офицеров в Польшу. Был связан с Ф. Заблоцким и И. Савиничем (М. П о л я к о в. Студенческие годы Белинского. «Литературное наследство», № 56, стр. 386).

³ А. М. П о з д н е е в. Лекции по истории монгольской литературы. Литограф. издание. СПб., 1896, стр. 64.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 716.

риалы по приведении в порядок издать на казенный счет, если по надлежащем рассмотрении окажутся того достойными»¹.

25 июля 1833 г. последовало распоряжение министерства просвещения об учреждении в Казанском университете кафедры монгольского языка во главе с О. М. Ковалевским, который был определен адъюнктом². И только теперь, по ходатайству университета, с него был снят особый надзор.

Находясь в Петербурге, О. М. Ковалевский разработал и отправил в Казань план преподавания монгольского языка, принятый Советом университета, в основе которого лежал принцип постепенности. На первом году студенты обучаются только письму и чтению и усваивают основные положения грамматики. Большое значение при первоначальном изучении языка он отводил преподавателю: «Учитель для своего слушателя есть живая, так сказать, грамматика, словарь и энциклопедия сведений по сему предмету. . . Смотря по надобности, сообщает сведения об образе жизни, правлении, географии, истории, литературе и религии монголов столько, сколько это имеет отношение к читаемому сочинению». Второй год начинается с изложения различия между разговорным и книжным языком и заполняется главным образом чтением монгольских книг, в выборе которых преподаватель также должен руководствоваться принципом постепенности. Во втором же году излагаются основные грамматические правила и можно приступить к изучению истории и догматов буддизма». Третий год обучения посвящается в основном переводам с монгольского на русский и обратно. «В заключении преподавать историю монголов с древнейших времен по нынешнее время, не ограничиваясь одним рассказом о вторжениях варварских племен в пределы соседей, но по возможности излагать прагматически причины и последствия происшествий. . .»³

В начале сентября 1833 г. среди студентов словесного отделения была проведена, независимо от курса, запись желающих обучаться монгольскому языку. Записалось четыре студента: К. Бабановский, окончивший уже университет, А. Некрасов, П. Уржумцев и Л. Ибрагимов — студенты словесного отделения. 11 сентября 1833 г. адъюнкт О. М. Ковалевский начал, впервые в высших учебных заведениях Европы, преподавание монгольского языка⁴.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 222.

² Там же, № 6563, л. 1.

³ Там же, ф. 92, № 2237, лл. 732—733

⁴ Там же, ф. 977, № 6563, л. 6.

Начинается плодотворная научная и педагогическая деятельность О. М. Ковалевского, благодаря которой были заложены в России основы научного монголоведения.

В целях подготовки студентов для университета курс монгольского языка был введен одновременно в Первой казанской гимназии, где его поручили вести А. В. Попову. В 1836 г. О. М. Ковалевский разработал и опубликовал «Распределение преподавания монгольского и начала тибетского языков в Первой казанской гимназии»¹, рассчитанное на семь лет. Монгольский язык преподавался с первого года обучения, тибетский — с пятого.

Курс обучения в университете был трехлетним, но для овладения монгольским, а также другими восточными языками и глубокого изучения истории и литературы стран Востока этих лет было недостаточно, поэтому Казанский университет сразу же стал добиваться продления срока обучения на восточном разряде. В апреле 1834 г. было решено оставлять при университете студентов, обучавшихся восточным языкам, еще на два года, в течение которых они должны были продолжать занятия восточными языками, обращая главное внимание на восточную литературу и разговорный язык. По истечении дополнительных двух лет они вновь подвергались экзаменам².

В сентябре 1834 г. О. М. Ковалевский был избран экстраординарным, а в августе 1837 г. — ординарным профессором монгольского языка. С 1835 г. монгольский язык на младших курсах стал вести и А. В. Попов, утвержденный экстраординарным профессором. О. М. Ковалевский занимался со студентами старших курсов, объясняя «различие книжного от разговорного языка в грамматическом отношении» и «отрывки из монгольских сочинений». Кроме этого, он читал им «историю монголов по своим запискам четыре раза в неделю»³. В расписании лекций на 1841/1842 учебный год сказано, что он будет читать по собственным записям историю монгольской литературы⁴.

Казанские монголоеды О. М. Ковалевский и А. В. Попов были лучшими знатоками монгольского языка в России в 30—40-х годах XIX в., их занятия проходили живо и увлекательно, по обучавшимся монгольскому языку находились в очень тяже-

¹ О. М. Ковалевский. Распределение преподавания монгольского и начала тибетского языков в Первой казанской гимназии. Казань, 1836.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 3923, л. 6.

³ Из расписания лекций на 1835/36 и 1838/39 годы. ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7350, л. 12 и № 8244, л. 35.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8559, л. 14.

лом положении: отсутствовали общедоступные монгольские печатные тексты, учебники, словари. В 1829 г. академик И. Я. Шмидт издал историческую хронику Саган-Сэцэна, но она уже тогда стала библиографической редкостью. Пользоваться ею было трудно также и потому, что перевод и комментарии были даны на немецком языке. Кроме того, «некоторые листы в его [Шмидта. — Г. III.] переводе, — писал О. М. Ковалевский еще из Бурят-Монголии, — требуют исправлений, как несоответствующие оригиналу. Наконец, в тексте имеются типографские опечатки и ошибки переписчика»¹. В 1830 г. Шмидт опубликовал на немецком языке с последующим переводом на русский «Монгольскую грамматику», но это была грамматика старокнижного монгольского языка с очень слабой научной основой. Мало пользы принес учащимся и его «Монголо-немецко-российский словарь», изданный в 1835 г., в основу которого был положен словарь «Маньчжуро-монгольское зеркало слов». И. Я. Шмидт сам писал в предисловии к словарю: «Я не имел в виду составить словарь, вполне объемлющий все сокровища монгольского языка»².

Отсутствие общедоступных учебников и пособий, необходимых для изучения языка, литературы и истории монгольских народов, и определило на значительный период времени направление научной деятельности казанских монголоведов: тем более, что основная работа по созданию учебных пособий ими была уже проделана в годы пребывания на Востоке. Наконец, нужно иметь в виду и то, что О. М. Ковалевский имел уже солидную лингвистическую подготовку.

Вначале О. М. Ковалевским была издана «Краткая грамматика монгольского книжного языка». Мысль о создании своей грамматики монгольского языка появилась у него, как он сообщал в «Кратком обозрении занятий», вскоре после приезда в Иркутск, так как «небольшие учебные пособия, предложенные Игумновым в Иркутске, оказались . . . недостаточными для совершенного разумения сего коренного языка, имеющего богатую литературу и представляющего много различия в просторечии и книжном употреблении, духовном и светском»³. К моменту отъезда в Китай костяк грамматики им был уже

¹ W. Kotwicz. Op. cit., str. 66.

² И. Я. Ш м и д т. Монголо-немецко-российский словарь. СПб., 1835, стр. III. Небезинтересно отметить, что Шмидт в предисловии к своему словарю оповещал ориенталистов о том, что над монгольским словарем успешно работают молодые русские ученые Ковалевский и Попов, которые «с ревностью и отличным успехом посвятили себя сему предмету» (указ. соч., стр. IV).

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 262.

создан. Об этом свидетельствует письмо Совету университета от 1 августа 1830 г., в котором он сообщал, что создаваемая им грамматика содержит в себе краткое руководство к правильному произношению и чтению монгольских букв, объяснение частей речи, грамматические формы и их образование, употребление в монгольском языке падежей, предлогов, наклонений и времен, наконец, порядок слов в монгольских предложениях. Грамматика будет иметь также приложение, состоящее из хрестоматийных текстов, «собрания употребительнейших слов и разговоров», описания диалектов монгольского языка и объяснения «отступления разговорного языка от письменного»¹.

В Монголии и Китае работа над грамматикой продолжалась. «Живя 7 месяцев в Пекине, я имел средства обогатить грамматику новыми правилами и примерами»², — писал он в Казань после возвращения из-за границы. А в последнем отчете, датированном ноябрем 1832 г., мы читаем, что он «еще раз просмотрел свою сокращенную грамматику и приготовил оную для представления начальству»³. Таким образом, к моменту возвращения в Казань грамматика монгольского книжного языка им была уже создана. Академик Шмидт, познакомившись с ней в рукописи, дал, как известно, положительный отзыв. Поездка в Петербург, разбор привезенной литературы, составление каталога, санскритских, монгольских, маньчжурских, тибетских, китайских книг и рукописей⁴ и учреждение кафедры несколько задержали завершение работы над грамматикой, но уже в декабре 1834 г. О. Ковалевский обращается к попечителю с просьбой напечатать ее на казенный счет в университетской типографии. Согласие было дано. В 1835 г. грамматика монгольского языка О. М. Ковалевского вышла в свет.

Несмотря на то, что это была грамматика книжного, или старописьменного монгольского языка, она получила высокую оценку у специалистов⁵ и до появления в 1849 г. грамматики

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 121.

² Там же, л. 144.

³ Там же, л. 200.

⁴ О. М. Ковалевский. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям в библиотеке имп. Казанского университета хранящимся. «Ученые записки Казанского университета», 1834, II, стр. 263—292. Имеется отд. изд.: Казань, 1834. Двадцать экземпляров каталога по личному распоряжению Н. И. Лобачевского было отправлено в другие высшие учебные заведения России (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7039, л. 1).

⁵ Академик И. Я. Шмидт в рецензии писал: «Грамматика Ковалевского вполне достигает цели, для коей предназначена; т. е. она легким

монгольского языка А. А. Бобровникова являлась основным учебником для занимающихся этим языком.

Вторым учебным пособием, созданным О. М. Ковалевским, была знаменитая «Монгольская хрестоматия», основная работа над которой, например подборка текста, также была проделана в Бурят-Монголии. Она выросла из предполагаемого приложения к грамматике.

Вначале О. М. Ковалевский планировал издание хрестоматии в четырех томах, но к печати подготовил только два. «Впоследствии могут быть изданы в свет и остальные два тома хрестоматии моей, заключающие в себе немалое количество статей из истории монголов и бурятских племен . . . с присовокуплением разговоров, писем, стихотворений и пр.»¹, — сообщил 7 октября 1835 г. О. М. Ковалевский о своем плане попечителю, добываясь разрешения о напечатании хрестоматии на казенный счет. В 1836 г. вышел из печати первый том хрестоматии, а на следующий год — второй. Она была создана для учебных целей, но ее значение не только в этом. Как подчеркивал известный востоковед В. В. Григорьев, «хрестоматия эта — явление замечательное не только в нашей ученой литературе, но и в целом ученом мире»².

«Монгольская хрестоматия» О. М. Ковалевского содержала 450 страниц разнообразного монгольского текста, расположенного по степени трудности. Начиналась она с кратких монгольских изречений, предназначенных для первоначального чтения и грамматического разбора. Затем были помещены десять повестей и легенд нравственно-религиозного характера, отличавшихся простотой и ясностью слога. «Это отделение, — писал автор, — познакомит читателей с вымыслами степного воображения»³. Далее были помещены статьи из «Уложения», составленного маньчжурами в XVIII в. для управления Монголией, и отрывки из «Установления о Тибете».

Во втором томе были собраны главным образом легенды о Шакьямуни и сведения о распространении буддизма в Тибете, Монголии и Китае, извлеченные из малоизвестных или совер-

и удобопонятным образом представляет начинающим обучаться сему языку основные его правила» (ЖМНП, 1836, кн. 9).

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4195, л. 31.

² ЖМНП, 1838, ч. 19, стр. 172. Труд О. М. Ковалевского — «Первая книга о монгольском языке, с которым так давно желают познакомиться ориенталисты; первая монгольская хрестоматия вышла в России и по-русски!» — писала «Библиотека для чтения», извещая читателей о выходе из печати хрестоматии («Библиотека для чтения», 1836, ч. XVII, отд. VI, стр. 12).

³ ЖМНП, 1835, ч. 6, стр. 88.

шенно неизвестных рукописей. Текст был снят точно с подлинника. О. М. Ковалевский в своей работе придерживался правила: никогда произвольно не изменять ни слов, ни выражений. «Это правило, — отмечал в своей рецензии на «Монгольскую хрестоматию» В. В. Григорьев, — несравненно умнее и в тысячу раз благороднее той манеры, которая завелась у германских ориенталистов, особенно у санскритских, — издавать тексты очищенные, т. е. такие, откуда выпущены все пассажи, которых они не понимают, или которые не подходят под ими же самими созданные правила грамматики, основанной на многих, прочитанных ими текстах»¹.

Не меньшую ценность для монголоведения имели примечания, содержащие богатый филологический и исторический материал, в которых было дано и краткое содержание повестей, использованных при составлении хрестоматии². Она имела также указатель имен, предметов и таблицу монгольского летосчисления.

Хрестоматия была издана университетом, получившим в 1838 г. из Академии наук монгольский шрифт, но наборщиков, знавших монгольскую письменность, в Казани еще не было. Поэтому О. М. Ковалевский, как и при издании грамматики, сам набирал текст, что лишний раз свидетельствует о его горячем стремлении помочь учащимся и закрепить приоритет в области изучения Монголии за русской наукой.

Академия наук отметила «Монгольскую хрестоматию» О. М. Ковалевского полной Демидовской премией и избрала его в декабре 1837 г. членом-корреспондентом. В 1840 г. он становится действительным членом Общества истории и древностей Российских при Московском университете. Его грамматика и хрестоматия быстро стали известными за пределами России. Французские ориенталисты Бюрнуф и Жюльен просят Казанский университет выслать им труды О. М. Ковалевского и вступают с ним в «постоянную ученую переписку»³. В мае 1839 г. он избирается почетным членом Азиатского общества в Париже, а затем получает приглашение приехать во Францию, чтобы «заняться изданием монгольских текстов»⁴.

Немецкие востоковеды приобрели около пятидесяти экземпляров учебников О. М. Ковалевского, положив их в основу

¹ ЖМНП, 1838, ч. 19, стр. 175.

² «Мы не читали, а проглотили его «Примечания» к текстам в высочайшей степени любопытные для филолога и любителя истории, — писал неизвестный рецензент в «Библиотеке для чтения» (1836, ч. XVII, отд. VI, стр. 12).

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4195, л. 161.

⁴ Там же, № 5210, л. 79.

изучения монгольского языка. В 1847 г. О. М. Ковалевский сообщал Н. И. Лобачевскому, что в Берлинском университете «монгольский язык преподается по моим учебникам, в чем удостоверяют печатные каталоги лекций»¹.

Так были заложены в России профессорами Казанского университета основы для научного монголоведения², в чем главная заслуга принадлежит О. М. Ковалевскому. Он был уже в 30—40-х годах XIX в. признан крупнейшим в России специалистом по монголоведению.

Однако основным трудом О. М. Ковалевского в области монгольского языкознания является «Монгольско-русско-французский словарь», не потерявший своего значения и до настоящего времени. «В продолжение двадцати лет, — писал он, — одним из главных предметов моих занятий было составление, по возможности, полного монгольско-русско-французского словаря с надлежащей фразеологией»³. Большую помощь в работе над словарем, особенно на первых этапах, оказали О. М. Ковалевскому, как уже нами отмечалось выше, А. А. Игумнов⁴ и Н. Я. Бичурин.

В Казань О. М. Ковалевский возвратился уже с несколькими словарями: «Монголо-русским», в котором насчитывалось около 40 тыс. слов «с объяснительными выражениями, при коих оставлял я пометки источников, мною употреблен-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5210, л. 79.

² Одновременно с О. М. Ковалевским закончил работу над монгольской хрестоматией А. В. Попов, которая была отослана на отзыв академику Шмидту. Последний писал, что она может быть напечатана, но значительно уступает хрестоматии Ковалевского. В 1836 г. Казанский университет издал хрестоматию А. В. Попова под названием: «Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку». Она была предназначена для воспитанников Первой казанской гимназии и других заведений, где обучали монгольскому языку. В хрестоматии — 144 страницы монгольского текста с примечаниями и словарем. Одинаковых текстов в обеих хрестоматиях почти не встречалось. Хрестоматия А. В. Попова уступала хрестоматии О. М. Ковалевского по широте и разнообразию текстов, критическому анализу и качеству примечаний, что в значительной степени объясняется назначением хрестоматии, но в ней было больше текстов, приближающихся к живому монгольскому языку. Современниками хрестоматия А. В. Попова так же была высоко оценена, как и хрестоматия О. М. Ковалевского (см. рецензию В. В. Григорьева в ЖМНП, 1838, ч. 19).

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5210, л. 1.

⁴ «От Игумнова получил я собрание около 8000 слов монгольских с русским переводом и указатель 2-х томный к пекинскому маньчжуромонгольскому, изданному в правление Каньси, словарю. Сверх того списал я у него коренные слова шести начальных букв монгольского алфавита», — писал О. М. Ковалевский в «Кратком обозрении занятий» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 263).

ных, посредством которых можно проверить перевод», и двумя «Российско-монгольскими» словарями, из которых один, по его выражению, был пространным, а другой сокращенным, состоящим из пяти тысяч слов¹. В Казани работа над словарем продолжалась с неослабевающей энергией. В 1841 г. начался набор «Монгольско-русско-французского словаря», первые листы которого были отправлены на отзыв академику Шмидту, оценившему словарь столь же высоко, как и предыдущие работы Ковалевского². Через три года первый том словаря вышел из печати, последний (третий) — в 1849 г.

О. М. Ковалевский стремился создать прежде всего словарь живого монгольского языка, поэтому, как он сам подчеркивал в предисловии к первому тому словаря, основным источником был именно живой монгольский язык: «Тщательно вникал я в живой язык монгольских племен, подслушивал у них пословицы, сказки, песни, легенды, хранящиеся в народной памяти»³. В качестве других источников им были широко использованы монгольские, тибетские, маньчжурские и санскритские книги различного содержания, а также печатные и рукописные словари, из которых прежде всего следует отметить лексиконы А. Игумнова и В. Новоселова.

О. М. Ковалевский не ставил перед собой задачи создания полного монгольского словаря. Он считал, что для этого необходимо вначале составить специализированные словари «по роду наук, искусств и образу жизни народа и, вообще, требует продолжительных и добросовестных усилий не одного лица»⁴. Он писал, что особенно трудно составить словарь живого языка, ибо «язык живой — орган беспредельной энергии народного ума»⁵. Тем не менее созданный им словарь до выхода в свет в 1893—1895 гг. «Монгольско-русского словаря» К. Ф. Голстунского оставался самым полным по количеству охваченного им лексического материала и наилучшим по качеству выполнения. В 1933 г. «Монгольско-русско-французский словарь» О. М. Ковалевского был переиздан в Шанхае.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 97, № 5060, лл. 262—264.

² В своем отзыве академик Шмидт писал: «Ковалевский изданием своего словаря приобретает себе прочную заслугу по части дальнейшего распространения познания монгольской письменности ученым путем и вместе с тем благодарность не только любителей этого направления восточного языкоучения, но и отечества, которому такое учение приносит славу и постоянную пользу» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8628, л. 3).

³ О. М. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. I. Казань, 1844, стр. III.

⁴ Там же, стр. I.

⁵ Там же.

Новый труд О. М. Ковалевского был высоко оценен крупнейшими русскими и зарубежными востоковедами. Академия наук удостоила словарь полной премии П. Демидова. «Мы с радушием приветствуем его (словарь. — Г. III.) как одно из наилучших сочинений, поступивших на состязание с самого учреждения Демидовских премий и удостоенных полной награды»¹, — говорилось в отчете о XV присуждении Демидовских премий².

На этом работа О. М. Ковалевского в области монгольского языкознания не закончилась. Он пишет «Сравнительную грамматику монголо-тюрко-финскую», «Опыт монгольской семантики», «Опыт монгольского корнеслова» и ряд статей для энциклопедического словаря Плюшара. К сожалению, первые две работы погибли в Варшаве в 1863 г. «Опыт монгольского корнеслова», недавно обнаруженный в Улан-Удэ Г. Н. Румянцевым³, является первой и пока единственной попыткой дать этимологию монгольских слов с привлечением громадного материала из турецких, угрофинских, тибетского, маньчжурского, китайского и других языков. Он свидетельствует и о том, что О. М. Ковалевский был крупнейшим знатоком не только монгольских, но и многих других восточных языков.

В 1854 г. О. М. Ковалевский принял участие в составлении «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», предпринятого Академией наук под редакцией Н. И. Срезневского, поместив в этом сборнике список слов монгольского происхождения, находящихся в русском языке⁴.

Следует отметить, что в издании «Материалов . . .» принимал участие и Н. Г. Чернышевский, выступивший с работой «Опыт словаря из Ипатьевской летописи».

¹ ЖМНП, 1846, ч. 4, стр. 59.

² В. В. Григорьев поместил в печати ряд обстоятельных разборов словаря О. М. Ковалевского (см. «Финский вестник», 1847 и «Северное обозрение», 1850, т. III), но счит все же необходимым оговориться, что его рецензии ни в коем случае нельзя «назвать «разбором»; разбора этого труда вне России никто не может написать; нет в Европе такого монголиста, которому бы это было по силам; в России же знаем мы только одного человека, которого стало бы на такой подвиг: это ученик г. Ковалевского, природный монгол по крови — и совершенный европеец по образованию господин Дорджи Банзаров» («Северное обозрение», 1850, т. III, стр. 215—216).

³ Г. Н. Румянцев. Неизвестная рукопись О. М. Ковалевского. «Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры и экономики», 1947, т. VII, стр. 139—142.

⁴ «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», СПб., 1854, изд. 2, Отд. Акад. наук, ч. I—III, стр. 377—380.

Большого внимания заслуживают также рецензии О. М. Ковалевского на грамматики А. В. Попова¹ и А. А. Бобровникова².

Следует отметить, что О. М. Ковалевский требовал от всех, занимающихся восточными языками, изучения прежде всего лексики и грамматики того или иного языка, решительно выступая против навязывания грамматических форм одного языка другому, особенно хорошо изученного языка, например латинского, менее известному. «Грамматик не имеет власти переменять язык!»³ — таков был его тезис, с которым он выступил еще в 1829 г.⁴ В рецензии на «Граматику калмыцкого языка» А. В. Попова он еще и еще раз потребовал от лингвистов изучения законов грамматического строя языка: «Граматику прежде всего надобно *открыть* (курсив О. М. Ковалевского. — Г. Ш.) эти законы, а потом уже привести их в стройный порядок или систему, сообразно с духом языка»⁵.

О. М. Ковалевский стоял за создание четких и кратких грамматик, особенно предназначенных для учащихся. Он высоко оценивал монгольскую грамматику Бобровникова, но критиковал ее за то, что она слишком велика по объему, сложна, а местами даже темна и непонятна. «Длинные и слишком отвлеченные выражения в учебнике места иметь не должны»⁶, — писал он.

Наконец, он обращал внимание востоковедов также на изучение стихосложения у народов Востока, приводя в качестве примера монгольский народ. «Нельзя думать, — писал он,

¹ О. М. Ковалевский. Разбор сочинения А. Попова, проф. Казанского университета под загл. «Грамматика калмыцкого языка». «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849.

² О. М. Ковалевский. Разбор грамматики монгольско-калмыцкого языка, изданной Бобровниковым. «Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1851.

³ «Казанский вестник», 1829, ч. 25, кн. II и III, стр. 145.

⁴ В 1829 г. в письме из Иркутска, познакомившись с грамматикой французского ориенталиста Абель Ремюза, изданной в 1820 г. в Париже. Ковалевский писал: «Свойство каждого языка требует читать и писать правильно, сообразно с народным обыкновением и общим употреблением» («Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. II и III, стр. 145).

⁵ «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 113. Особенно, по его мнению, это касается лингвистов-ориенталистов: «Вообще, большая часть наших грамматик для восточных языков погрешает от излишней и исключительной нашей привязанности к одному какому-либо языку, законы которого стараемся почти насильно применять к языку, нами изученному» (там же, стр. 112).

⁶ «Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1851, стр. 166.

чтобы народ, страстно любящий песни, составлял стихи без малейшего основания для их механизма»¹.

О. М. Ковалевский хорошо знал монгольский разговорный язык, много над ним работал, но он ошибался, заявляя, что книжный язык лучше и выше народного, разговорного. Однако он признавал, что в практической жизни важнее живой язык, который и необходимо изучать филологам².

Очень много О. М. Ковалевский занимался историей монгольской литературы, которую читал студентам, обучавшимся монгольскому языку. В 1845 г. он сообщал попечителю, что приготовил к печати «Историю монгольской литературы» в трех томах³, но она по не известным нам причинам не была издана. Рукопись труда была увезена в Варшаву, где сгорела вместе с другими его работами.

Одновременно с работой над монгольскими языками и литературой О. М. Ковалевский занимался обработкой собранного им богатого географического, исторического и этнографического материала. Он написал в 30—50-х годах XIX в. ряд статей и крупных работ по истории, географии, этнографии и религии Востока, опубликованных в «Ученых записках» Казанского университета, «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара и «Журнале министерства народного просвещения». Из статей, не вошедших в Энциклопедический словарь Плюшара, он составил в двух томах сборник, посвященный исключительно Монголии⁴. Кроме этого, он написал два фундаментальных труда, оставшихся в рукописи, — «Историю монголов» и «Историю Востока». Сборник статей по Монголии и «История Востока», повидимому, не сохранились, но два тома «Истории монголов» в 1936 г. были обнаружены А. А. Петровым в ЦГА ТАССР среди курсовых сочинений студентов Казанской духовной академии⁵. В настоящее время они находятся в архиве сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР⁶.

¹ «Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1851, стр. 164.

² «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 110.

³ А. Ф о й г т. Указ. соч., стр. 23; ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5741, л. 1.

⁴ К. Ф о й г т. Указ. соч., стр. 23.

⁵ А. А. П е т р о в. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве ТАССР и в Библиотеке Казанского университета. «Библиография Востока», 1936, вып. 10, стр. 148—152.

⁶ Н. П. Ж у р а в л е в и А. М. М у г и н о в. Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР. «Ученые записки Института востоковедения», т. VI, 1953, стр. 42.

Первый том — «Введение в историю монголов» — состоит из 17 пронумерованных тетрадей, набело переписанных автором. По мнению А. А. Петрова, он был закончен в 1843 г. В этом томе дана периодизация истории монголов, подробно рассматриваются источники, географическая среда и ее влияние на жизнь древних монголов и их соседей. Остальную, большую часть тома (300 стр.), занимает история Китая с древнейших времен по III в. н. э. Второй том — история монголов с 1206 г. по XIX в., — состоящий из 33 тетрадей, также набело переписанных, был закончен в 1856 г. Он, в свою очередь, делится на две части: 1206—1368 гг. и 1368—1691 гг. и заканчивается описанием Монголии в составе Дайцинской империи. В конце имеется родословная таблица монгольских ханов и князей¹.

По своим историческим взглядам О. М. Ковалевский примыкал к дворянско-буржуазным просветителям 30—40-х годов XIX в. В основе его взглядов на историю лежало представление об истории как едином процессе развития. «... Помнить надобно, — говорил он в речи «О знакомстве европейцев с Азией», — что всякое достопримечательное явление в сфере человеческой деятельности имеет свое начало, имеет и эпохи своего возрастания»². Задачу историка он видел «в том, чтобы, исследовав различие деяний народов и характер оных, представить все прошедшее в одной неразрывной связи»³. О. М. Ковалевский, признавая единство пути развития народов всего мира, выступал против разделения и противопоставления Европы и Азии. Он считал, что каждый народ, независимо от того, является он большим или малым, вносит свой посильный вклад в общий труд человечества, содействуя успехам других. В неоднократно отмечаемой нами речи «О знакомстве европейцев с Азией» он говорил, что народы Европы и Азии каждый «своими силами способствовали новому предприятию и успехам других... Таким образом действовали азиатцы и европейцы: они, каждый в свою очередь, трудились для общей пользы, часто не зная о соперниках на другом конце мира»⁴.

¹ ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29 (фонд Ковалевского), опись № 1.

² О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837, стр. 24.

³ ЦГА ТАСССР, ф. 92, № 2237, л. 466.

⁴ О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией, стр. 32. Свою «Историю монголов» О. М. Ковалевский начинает следующими словами: «Каждый народ имеет свое прошедшее, свою историю. Не одни греки и римляне, индийцы и китайцы внесены в скрижали истории бытописания; монголы и тунгусы занимают в них приличное место...»

Определяющим фактором в жизни народов является, по его мнению, географическая среда, местность. Она определяет направление развития хозяйства, быта и является основным моментом в формировании народного характера¹. Местность разнообразна, поэтому разнообразна и жизнь народов, различны характеры народов, даже в пределах одного государства, однако народ со своей стороны оставляет тот или иной след на местности, которую он занимает.

«В Азии, — говорил О. М. Ковалевский, — как и в Европе, нет утомительного однообразия и неподвижности народной . . . А как местность наложила неизгладимое клеймо своего влияния на людей, так и обитатели Азии, каждый по своим силам, оставили глубокие следы своего пребывания на местностях, следы языка, первого свидетеля существования народов, следы успехов искусства и образованности»². В качестве примера, показывающего различное влияние местности на жизнь народов и их характер, он очень часто брал две соседние страны: Монголию и Китай.

«Великая стена, — писал Ковалевский в Казань 2 апреля 1832 г., — есть рубеж, за который порывистые и пронзительные монгольские ветры не смеют, кажется, перелетать. С вершины оной взираешь свободно на Монголию и Китай, как бы на два противоположных мира: в одном страшная пустота степей, в другом неимоверное стеснение жителей поражает каждого зрителя: там с трудом отыскиваешь человека для беседы, здесь не укроешься перед толпами людей: там праздность, свойственная кочевому образу жизни, владеет степными чадами, здесь железное терпение и труд, по необходимости, чрезвычайно отличает земледельцев»³. Особенно подробно О. М. Ковалевский рассматривает вопрос о влиянии географического фактора на жизнь народов. В первом томе «Истории монголов», как уже отмечалось, имелся специальный раздел о географических особенностях Центральной и Восточной Азии и влиянии их на хозяйство, быт и нравы народов, проживающих здесь.

(ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29, № 1, стр. 1).

¹ Что О. М. Ковалевский понимал под народным характером? «Чувство религиозное, чувство законности и чувство нравственности облекается неодинаково наружностью и своими оттенками образует характер народный», — писал он. (ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив, ф. 29, № 1. О. М. Ковалевский. Введение в историю монголов, стр. 28).

² О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией, стр. 33.

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 517.

Определяя влияние географической среды на китайцев и монголов, он писал: «На юге от этой песчаной степи, на склоне Азии к Южному океану расстилается Китай, предназначенный природою к особенному развитию его гражданственности.

В горной окраине, составляющей северную границу срединного царства, лежит резкая черта между холодным, суровым нагорьем и теплой, роскошной низменностью. На юге от нее издревле обитали китайцы, знакомые с оседлостью, земледелием, гражданственностью и промышленностью, под влиянием физического устройства занимаемой ими земли, между тем как обширные, суровые нагорья заняты были дикими племенами, которых сама природа предназначила к номадной жизни или к еще дикому состоянию звероловов и рыболовов. Поэтому упомянутая пограничная черта должна была сделаться театром важных событий и борьбы цивилизованного юга с диким севером. Здесь-то необузданные ватаги дикарей, от природы привычные к опасностям, охоте, грабежам и войнам, устремились на цивилизованные и стройные, но часто расслабленные китайские владения»¹.

В 1871 г. в «Варшавских университетских известиях» была опубликована составленная О. М. Ковалевским программа по всеобщей истории, в которой также исходным моментом он брал «описание местности и ее влияние на характер жителей»².

Кроме географической среды, О. М. Ковалевский большую роль в истории отводил просвещению. Где имеется просвещение, там, по его мнению, развиваются ремесла, торговля, промышленность, наука, искусство, литература и т. д. Где нет просвещения или оно приходит в упадок, там, напротив, застой, разорение, нищета. Сочувствуя народным массам, он только в развитии просвещения видел возможность улучшения их материального и правового положения. От просвещения зависит, считал он, сила государства и его единство, и, наоборот, отказ от просвещения приводит к ослаблению и развалу государства.

В качестве доказательства О. М. Ковалевский неоднократно ссылался на историю монголов. В чем заключается, по его мнению, одна из основных причин ослабления и распада державы Чингис-хана? — В отказе от просвещения и выгод образованного общества. В письме из Троицкосавска в феврале 1832 г. он писал: «Нашествия сего народа, неоднократно возоб-

¹ ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29, № 1, стр. 22.

² О. М. К о в а л е в с к и й. Программа всеобщей истории. «Варшавские университетские известия», 1871, № 3, стр. 328.

новляемые в разные страны, не имели другой цели, кроме добычи . . . Таким образом разбойнические шайки беспрестанно перебегали с места на место, пользуясь богатою добычею, не предпринимали труда в просвещении себя»¹. Другими причинами распада державы Чингис-хана Ковалевский считал ассимиляцию монголов и «личную вражду членов владычествовавшего дома»². Только при династии Юань, под влиянием Китая, и то ненадолго, начало развиваться среди монголов просвещение. После же изгнания их из Китая «прежняя дикость объяла умы . . . монголов с тем только различием, что при них осталось письмо, которого прежде не знали»³.

В качестве другого примера О. М. Ковалевский приводил господство маньчжуров в Китае. Наивысшим периодом расцвета Дайцинской империи он считал правление Канси, что связано было, по его мнению, со стремлением маньчжурского императора овладеть науками и распространить их среди маньчжуров и китайцев. За эту страсть к наукам, которая якобы имелась у Канси, О. М. Ковалевский готов был поставить его в пример другим императорам⁴.

О. М. Ковалевский интересовался социально-экономическими вопросами и много писал, особенно в письмах из Монголии и Китая, о тяжелом положении народных масс в странах Востока, считал, что общество по своему экономическому и правовому положению делится на классы⁵. Однако вооруженные выступления масс признавал революциями, но, являясь

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 479.

² Там же, л. 479.

³ Там же, л. 480.

⁴ О. М. Ковалевский. Правление Кан Си. ЖМНП, 1839, ч. XXII. Во время пребывания в Китае О. М. Ковалевскому удалось собрать большой материал о деятельности католических миссионеров в Китае. Он собирался написать на эту тему большую работу. Часть материала была им использована в статье о Канси. О. М. Ковалевский отмечает усиленное проникновение в XVII в. в Китай католических миссионеров и их влияние на Канси, вскрывает приемы, которыми пользовались миссионеры, и, правда, далеко не до конца, их цель: «Гибкие, изворотливые слуги папы, оставив европейскую наружность: платье, обычаи и прочее, изучали язык, письмо, китайскую историю, китайские классические книги и в виде литераторов и ученых вторглись в высший круг нового общества. . . Они стали уже открыто иметь влияние на местные власти, созидали костёлы, обращали в христианство людей всякого сословия и посредством многочисленных шпионов узнавали все тайны правительственные, старались дать им направление, соответствующее с видом ордена» (там же, стр. 96).

⁵ Так, население Бурят-Монголии он делил на четыре класса: чиновников, духовенство, казачью верхушку и простолюдинов, «кои платят подати за себя и чиновников, содержат многочисленное духовенство и удовлетворяют потребностям кумирным» («О забайкальских бурятах», «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. XI—XII, стр. 185).

просветителем, отрицательно относился к народным восстаниям¹ и не считал народные массы движущей силой истории, однако всегда подчеркивал, что каждый народ имеет свое место в истории и никогда бесследно не исчезает². Более того, династии исчезают, а народ остается бессменным деятелем³. Работы или лекции о том или ином народе он предлагал заканчивать таким разделом: «Значение народа в ходе всего человечества»⁴.

О. М. Ковалевский все же переоценивал роль личности в истории и много внимания в своих исторических работах уделял династической борьбе⁵, но, как видно из всего вышесказанного, никогда не сводил историю к деятельности королей и полководцев. Важнейшим вопросом истории он считал вопрос о происхождении народов, особенно Азии. «История обязана решить вопрос: какие племена искони обитали в Азии; раскрыть их судьбу, взаимное борение и конец . . .»⁶, — говорил он в речи 8 августа 1837 г.

Таким образом, О. М. Ковалевский почти в одно время с Н. Я. Бичуриным поставил вопрос об этногенезе народов Азии, что имело большое значение для русского востоковедения. Сам он занимался главным образом происхождением центральноазиатских народов: монголов, бурятов, киданей, киргизов, уйгуров, тунгусов.

Вначале О. М. Ковалевский считал, что все народы, живущие на территории Центральной Азии как в прошлое, так и в настоящее время, одного происхождения — монгольского⁷. Поэтому и киргизов, и киданей он считал народами монголь-

¹ О. М. Ковалевский. Политический переворот в Китае около половины XVII столетия. ЖМНП, 1840, ч. XXV.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4814, л. 25.

³ О. М. Ковалевский. История монголов. ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив, ф. 29, № 1, стр. 27. Определяя влияние географической среды на монголов и излагая план своей работы, О. М. Ковалевский писал: «Увидим, как одни лишь династии исчезали с страниц летописей, а народ оставался бессменным деятелем, под другим только именем и, вероятно, с примесью новых поколений, по мере расширения владений главного» (там же, стр. 27).

⁴ О. М. Ковалевский. Программа всеобщей истории. «Варшавские университетские известия», 1871, № 3, стр. 328.

⁵ О. М. Ковалевский. История монголов.

⁶ О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией, стр. 23.

⁷ В письме от 23 февраля 1832 г. он писал: «. . . Все пространство, ныне занимаемое монголами, издревле было местопребыванием многочисленных племен под различными названиями, одного происхождения, но беспрестанно враждующих между собою» (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 479).

ского происхождения¹, но в «Истории монголов» он говорит уже о трех этнических группах (поколениях), проживавших в Центральной и Средней Азии: эта территория «с незапамятных времен была обитаема кочевыми народами, принадлежащими к трем поколениям: тюркскому, монгольскому и тунгусскому. . . Эти поколения исповедывали одну общую веру (шаманство) и, судя по их наружности, произошли, может быть, от одного корня, впрочем нам неизвестного. . .»².

Монголы занимали территорию по Онону, Туле и Кэрулену. Тюрки — на запад до Каспийского моря и от Енисея до Урала. Тунгусы — от Монголии до Тихого океана³.

Громадной заслугой О. М. Ковалевского перед русским востоковедением является введение им в научный обиход большого числа монгольских источников, ранее совершенно не известных историкам и филологам. И свои исторические работы он создавал главным образом на основе тщательного изучения новых источников — монгольских и маньчжурских, им найденных и переведенных. В этом отношении он имел преимущество даже перед Н. Я. Бичуриным, который изучал Среднюю Азию и Монголию в основном по китайским источникам. Кроме того, Ковалевский широко привлекал также европейские источники.

О. М. Ковалевский неоднократно отмечал, что Н. Я. Бичурин идеализировал несколько Китай и все китайское, однако сам не избежал идеализации монголов, но в таком вопросе, как характер монгольских завоеваний XIII в., он в основном занимал правильную позицию: подчеркивал, что походы носили грабительский характер, и отмечал, что в ходе их, особенно в ходе походов Чингис-хана и Батыя, были уничтожены громадные материальные ценности, создаваемые веками; походы готовила знать, стремясь к наживе и власти;

¹ Так, относительно киргизов он писал в марте 1832 г. в Казань: «Я до сего времени уверен, что сей народ в древности занимал другие места и был монгольского происхождения, несмотря на то, что он ныне является в совершенно новом виде, говорит по-татарски и исповедывает мухамеданскую веру. История указывает нам много подобных примеров. . . Я счастливым себя сочту, если мои предположения возбудят в ком-либо ревность к дальнейшим исследованиям для открытия истины, к познанию которой мы обязаны все свои силы напрягать» (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 501). О происхождении киданей см. его статью «Кидане», ЖМНП, 1839, ч. XXIV.

² О. М. Ковалевский. История монголов, стр. 27—28. Впрочем, коснувшись киргизов, он все же делает оговорку: «Трудно согласиться с теми, которые киргизов считают турецким поколением» (там же, стр. 241).

³ О. М. Ковалевский. История монголов, стр. 28 и 191.

в них участвовали почти все центральноазиатские племена¹. Лишь для некоторых азиатских племен он делал исключение, считая, что они «машинально сталкивали друг друга с места»². В этом можно видеть зарождение среди русских востоковедов так называемой теории толчков, которая впоследствии была развита В. В. Григорьевым.

Причину же быстрого продвижения монголов на запад во время походов Чингис-хана и Батыя О. М. Ковалевский совершенно правильно усматривал в политической раздробленности Руси и вражде между княжествами: «В это время Русь, с востока отделенная Окою, раздроблена была на мелкие княжества — между собой враждебные, неповинующиеся великому князю, живущему сперва в Киеве, потом (с 1169 г.) во Владимире»³.

Державу Чингис-хана он рассматривает как конгломерат территорий и народов: «Из обломков разных царств и владений возникла монгольская монархия. . . В ней приметно странное столкновение разных местностей, на которых обитали различные народы, неодинаковым языком говорившие, преданные разным религиозным толкам, различного образования, несходные между собою ни в образе жизни, ни в нравах, ни в обычаях»⁴.

О. М. Ковалевский выступал против обвинения народов Востока в их природной склонности к войнам и грабежу, о чем писали тогда английские и другие буржуазные ориенталисты, стремясь оправдать английских колонизаторов за «опиумную войну». Войнам он противопоставлял торговые связи, которые укрепляют не только добрососедские отношения, что он показывал на примере взаимоотношений между Россией и Китаем, но и способствуют, благоприятствуют изучению Востока. «Кому неизвестно, — говорил он, — как торговые сношения расширили круг знакомства Европы с Азией. . . как с купеческими транспортами через степи Средней Азии и Южный океан переходили разнообразные сведения об отдаленных странах?»⁵.

¹ См. письмо О. М. Ковалевского в Казань от 23 февраля 1832 г. (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, лл. 478—482); «Историю монголов». ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29, № 1; Речь о знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837 и другие работы.

² О. М. К о в а л е в с к и й. Речь о знакомстве европейцев с Азией, стр. 3.

³ О. М. К о в а л е в с к и й. История монголов, стр. 236.

⁴ Там же, стр. 237.

⁵ О. М. К о в а л е в с к и й. Речь о знакомстве европейцев с Азией, стр. 26—27.

Много сделал О. М. Ковалевский и в области изучения буддизма, особенно его тибетско-монгольской формы — ламаизма¹. Первые сведения о буддизме были им сообщены в статьях и отчетах, опубликованных в «Казанском вестнике»². Уже в них он довольно подробно рассматривал догматы и обрядовую сторону ламаизма. Но основной его работой по буддизму, не считая материала, имевшегося в «Монгольской хрестоматии», является «Буддийская космология», печатавшаяся по частям в «Ученых записках Казанского университета» в 1835—1837 гг.³

О. М. Ковалевский правильно определял время возникновения буддизма в Индии — VI—V вв. до н. э., но не видел классовых корней его возникновения, считая, что причиной появления буддизма являлся раскол среди браминов из-за трактовки некоторых положений Вед⁴. Однако у него проскальзывала и мысль о том, что буддизм возник только на определенном этапе развития Индии, когда в стране появилось нечто новое, «а святой язык индийский оказался недостаточным для выражения этих новых понятий и умозаключений»⁵. Необходимо также отметить, что О. М. Ковалевский, несмотря на свою обусловленную временем ограниченность, правильно понял, что буддизм, в частности ламаизм, проповедует смирение и покорность, что «Будда отвергал. . . различие между классами (т. е. кастами. — Г. Ш.) народа»⁶, что «простое и почти очевидное плутовство шаманов уступило место хитрому и более скрытному обману со стороны шигэмуниевых жрецов».

Рассматривая распространение буддизма в странах Азии и появление новых его форм, О. М. Ковалевский пришел к выводу, что у разных народов Будда не одинаков и имеются значительные различия в догматике. Причиной этого он,

¹ В 1857 г. тюрколог И. Н. Березин в рецензии на книгу В. П. Васильева «Буддизм, его догматы, история и литература», отметив, что западноевропейские ориенталисты совершенно не знают работ О. М. Ковалевского о буддизме, писал, что «мы не можем их забывать» (ЖМНП, 1857, ч. ХСУ, отд. VI, стр. 6).

² См., например, «Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, за Байкалом, в августе 1829 года». «Казанский Вестник», 1830, ч. 28, кн. I.

³ О. М. К о в а л е в с к и й. Буддийская космология. «Ученые записки Казанского университета», 1835, II, IV; 1837, I. Имеется отдельное издание. Казань, 1837.

⁴ «Казанский Вестник», 1830, ч. 28, кн. I, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 66.

⁶ Там же, стр. 61.

⁷ Там же, 1829, ч. 27, кн. XI и XII, стр. 167.

однако, считал только географическое положение той или иной страны.

В целом для О. М. Ковалевского характерно отрицательное отношение к буддизму, особенно ламаизму, но, придавая в развитии общества большое значение просвещению, он считал, что буддийская литература и проповеди буддистов о равенстве оказали в свое время большое влияние на кочевые народы Азии. «Дикие народы, — писал он, — преклонив колени перед Буддою, начали жить гораздо покойнее, вражда умолкла и набеги потеряли свой характер лютойости», а «переселение душ, принятое буддистами. . . , способствовало также развитию мысли»¹.

Работы О. М. Ковалевского о буддизме вызвали интерес у русских ученых и русской общественности к этой религии, широко распространившейся по странам Азии. Ученик О. М. Ковалевского В. П. Васильев, ставший впоследствии крупным русским китаистом, академиком, в 1838 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Об основаниях философии буддизма»². Кандидатская диссертация Д. Банзарова также, как известно, была посвящена изучению религиозных верований монголов. Декабрист М. А. Бестужев внимательно изучал «Буддийскую космологию» О. М. Ковалевского и составил подробный конспект этой работы³.

Выходом в свет «Буддийской космологии» работа О. М. Ковалевского над буддизмом не закончилась. Он написал еще несколько трудов, которые, однако, не были изданы: «История буддизма», «Исследования в области буддийской хронологии», «Биография Джонкавы — реформатора буддизма в Тибете», «Биография Джоя Пандиты» и «Биография Далай-лам Тибетских».

Научные заслуги О. М. Ковалевского в области русского востоковедения были высоко оценены современниками. В ноябре 1847 г. историко-филологическим отделением Академии наук он был избран ординарным академиком по части восточной словесности, причем «с дозволением. . . оставаться в Казани впредь до выслуги эмеритуры»⁴, что очень редко встречалось в практике Академии наук, так как ординарные академики должны были обязательно находиться при Академии

¹ О. М. Ковалевский. Монгольский отшельник. «Казанский Вестник», 1832, ч. 35, кн. V, стр. 363—364.

² ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8290, л. 5.

³ М. К. Азатовский. Путевые письма декабриста М. А. Бестужева. «Забайкалье», 1952, кн. 5, стр. 207.

⁴ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, № 11, л. 11.

в Петербурге. Неизменный секретарь Академии наук в представлении историко-филологическому отделению Академии писал, что лучшим преемником умершего академика Шмидта были бы О. М. Ковалевский. «Россия, — писал он, — сама представляет его нам в лице г. Ковалевского, профессора монгольского языка в Казанском университете и члена-корреспондента нашей Академии. . . Ныне из всех ориенталистов (оп. — Г. Ш.) есть без сомнения единственный, который может заметить нам нашу потерю относительно к монгольскому языку и литературе»¹.

Общее собрание Академии наук одобрило представление историко-филологического отделения, выдвинувшего на вакантное, после смерти И. Я. Шмидта, место ординарного академика двух кандидатов — О. М. Ковалевского и экстраординарного академика М. Броссе. Но министр народного просвещения С. С. Уваров «изъявил согласие, чтобы старший из них г. Броссе был повышен на ваканцию ординарного академика и, чтобы открыта была другая ваканция для г. Ковалевского, сверх настоящего штата»². Дело об избрании О. М. Ковалевского в академики было направлено на «высочайшее» утверждение.

О. М. Ковалевский был не только крупным ученым-патриотом, но долгое время занимался и административной деятельностью. По рекомендации Н. И. Лобачевского он был в 1834 г. избран секретарем издательского комитета «Ученых записок Казанского университета» (во главе издательского комитета стоял ректор Н. И. Лобачевский) и занимал эту должность свыше двадцати лет. Н. И. Лобачевский и О. М. Ковалевский немало приложили сил к тому, чтобы превратить ученый орган университета в трибуну передовой русской науки. В 1835 г. О. М. Ковалевский писал О. Петрашкевичу о своей работе в издательском комитете: «Настоящий год будет лучше. Как секретарь редакции могу заверить, что будет лучше: я собрал уже немало статей и сам выступлю с лучшим материалом»³.

Трижды он избирался деканом историко-филологического факультета на четырехлетний срок, установленный уставом: в 1837, в 1845 и 1854 гг. Вскоре после возвращения из командировок О. М. Ковалевский был дополнительно назначен секретарем организационного комитета по приему экзаменов для учителей гимназий и уездных школ, а с 1839 г. являлся уже его председателем, работая также под общим руководством

¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, № 11, л. 7—8.

² ЖМНП, 1848, т. 57, отд. III, стр. 46—47.

³ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 188.

Н. И. Лобачевского. В 1844 г. он становится, сохраняя службу в университете, директором II-й Казанской гимназии и управляющим школами Казанской губернии.

Новая должность отнимала у него очень много времени и сил, требовала разъездов по Казанской губернии, но ученый с большим воодушевлением работал на этом поприще. Это будет вполне понятным, если мы вспомним, какое значение он придавал просвещению. С одной стороны, «семь лет управления школами здешней губернии причисляю к лучшему периоду моей жизни, — писал он О. Петрашкевичу в июле 1851 г., — ибо удалось мне сделать много полезного даже для заведений, не подчиненных мне. С другой стороны, эта служба отобрала много ценного времени, которое можно было бы использовать иначе, виднее, но с меньшей пользой для общества. Если оставят меня на кафедре, то последние дни своей жизни посвящу отдыху, созданию и завершению научных работ, для которых собралась уйма материала»¹.

Во второй половине 1854 г. тяжело заболел известный ученый, ректор университета И. М. Симонов. О. М. Ковалевскому было поручено исполнять обязанности ректора, а после смерти И. М. Симонова в 1855 г. он был назначен ректором университета.

О. М. Ковалевский в казанский период своей жизни не принимал участия в общественном движении в России и национально-освободительной борьбе польского народа; он занимал в системе просвещения значительные административные посты, но, исходя из этого, нельзя, как нам кажется, говорить о том, что он превратился в типичного царского чиновника. Об этом свидетельствуют его письма к О. Петрашкевичу, его научная и административная деятельность, отношение к нему царских властей и его желание поселиться в Вильно — городе своей молодости. Так, по письмам к О. Петрашкевичу можно проследить его душевное состояние и его отношение к своей службе и царским сановникам. В 1835 г. О. М. Ковалевский писал О. Петрашкевичу: «Бывают иногда какие тяжелые минуты, что я готов забыть о всем. Но снова какая-нибудь радость, мелькнет луч надежды и просыпаются от летаргического сна, начинают шевелиться давние страсти»².

¹ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 114.

² Там же, стр. 188. В письме 22 декабря 1856 г. он писал: «... Часто делаю отчет перед своей совестью, чтобы все сосчитать, что сделал на этой земле. Впрочем, ты нашел бы меня таким же, каким ты меня видел 23 года тому назад. Исключением я считаю то, что женат и имею троих детей» (там же, стр. 138).

В другом письме к нему, отправленном в декабре 1853 г., мы читаем: «Около 18 декабря, ночью, на Московском тракте встретил я вашего генерал-губернатора, спешившего в столицу. . . Интересно знать, что бедная Сибирь выигрывает от этих метеоров, которые пролетают над ней, не давая ей ни тепла, ни света. И у нас часто начинают показываться «северные сияния»¹.

Ректором Казанского университета О. М. Ковалевский был утвержден не сразу. В. Котвич сообщает, что министр просвещения А. С. Норов возражал против его кандидатуры, ссылаясь на участие О. М. Ковалевского в освободительном движении польского народа².

Став ректором, О. М. Ковалевский заботился об укреплении химического кабинета университета, во главе которого тогда находился А. М. Бутлеров³, мечтал о возвращении университету руководства школами и о дальнейшей деятельности на поприще народного образования. «Ходят слухи, что управление школами снова будет возвращено университету, и я очень радуюсь этому. Пока еще живу, сделаю что-нибудь для заведений, которые очень люблю»⁴, — делился он своими планами с О. Петрашкевичем.

Стать академиком О. М. Ковалевскому не удалось: он не был утвержден царским правительством по политическим соображениям⁵.

В феврале 1860 г. О. М. Ковалевский, не сумевший предотвратить волнений среди студентов университета (это был период революционной ситуации 1859—1861 гг.), был отстра-

¹ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 195.

² Там же, стр. 116.

³ В Архиве АН СССР хранится письмо О. М. Ковалевского А. М. Бутлерову от 20 декабря 1857 г., находившемуся в заграничной командировке, из которого видно, что они все время обменивались письмами и что О. М. Ковалевский проявлял заботу об укреплении химического и физического кабинетов университета. Заканчивается письмо сообщением А. М. Бутлерову университетских и семейных новостей (Архив АН СССР, ф. 22, оп. 2, № 17).

⁴ W. K o t w i c z. Op. cit., str. 117.

⁵ «Материалы для биографии Н. И. Лобачевского». Собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский. АН СССР, стр. 742. В. Котвич считает, что О. М. Ковалевский сам отказался от звания академика, не желая из-за состояния здоровья переезжать в Петербург (W. K o t w i c z. Op. cit., str. 112), однако имеется его письменное согласие на баллотировку в академики и переезд в столицу. См. дело «Об избрании экстраординарного академика М. Бросса и профессора Ковалевского в ординарные академики по части восточной словесности». (Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17).

нен от должности ректора ¹. Два года провел он еще в Казани, без службы, пока не получил приглашения в Варшаву, в Главную школу ², на должность профессора всеобщей истории, куда и прибыл в 1862 г., увезя из Казани значительную часть своих рукописей.

19 сентября 1863 г. из окна дома, в котором жил О. М. Ковалевский в Варшаве, была брошена бомба в царского наместника графа Берга. Военные власти приказали сжечь все имущество жителей этого дома. Приказ был немедленно приведен в исполнение. Среди сожженных вещей оказались рукописи О. М. Ковалевского и фортепиано Шопена, находившееся в этом же помещении.

Гибель рукописей, лекций и других материалов была тяжелым ударом для О. М. Ковалевского. Погиб труд почти всей жизни. Несмотря на это, О. М. Ковалевский не прекращал лекций, хотя читал их уже без прежнего подъема. В 1878 г. он умер, находясь в здании университета.

Такова была научная деятельность О. М. Ковалевского. Она лишний раз свидетельствует о том, что по многим отраслям знаний русское востоковедение, развиваясь под влиянием передовой общественной мысли тогдашней России, шло впереди западноевропейского.

Большой ученый и патриот, О. М. Ковалевский заложил в России основы научного монголоведения и прочно закрепил за ней приоритет в области изучения Монголии. Казанская школа монголоведов, созданная им, была ведущей в России на протяжении всего XIX в. Из этой школы вышли и первый бурятский ученый Доржи Банзаров, и академик В. П. Васильев, и тонкий грамматист А. А. Бобровников. Значительный вклад был внесен О. М. Ковалевским также в развитие русской китаистики. Он одним из первых в России выступил против включения Китая в число «неисторических» стран и стремился доказать единство развития народов мира.

¹ Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец. Революционные демократы и общественное движение в Казанском университете в период революционной ситуации (1859—1861). Казань, 1952.

² В 1869 г. Главная школа была преобразована в Варшавский университет. В 1863—1868 гг. лектором филологии и морфологии русского языка историко-филологического факультета Варшавской Главной школы был И. С. Савинич. В 1869 г. О. М. Ковалевский был избран деканом историко-филологического факультета.